

ДЖЕННИФЕР РОУ

СКОРБНЫЙ

УРОЖАЙ

чай, кофе
и убийства

Дженнифер Роу
Скорбный урожай

Jennifer Rowe
GRIM PICKINGS

Печатается с разрешения автора при содействии литературного агентства Autor Rights Agency.

© Jennifer Rowe, 1991

© Перевод. В. И. Агаянц, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Дженнифер Роу – мастер австралийского детектива, известная читателям по роману «Скорбный урожай», автор необычайно популярных циклов о приключениях эксцентричного детектива-любителя Верети Бердвуд (книги этой серии легли в основу одноименного телесериала 1988 года) и полицейского детектива Тессы Вэнс.

Действующие лица

Элис Олкотт – хозяйка яблоневого сада.

Семья Тендер

Бетси Тендер, племянница Элис Олкотт, домохозяйка.

Уилф Тендер, муж Бетси, агент по продаже недвижимости.

Крис Тендер, их сын, школьный учитель.

Сьюзен Тендер (Сонси), его жена, медсестра.

Анна Трелор, дочь Бетси и Уилфа, модель.

Дэмиен Трелор, муж Анны, торговец антиквариатом, живет отдельно от жены.

Родни Тендер, младший сын Бетси и Уилфа, старшеклассник.

Другие гости

Джереми Дарси, друг Криса Тендера, журналист.

Кейт Делейни, его жена, литературный редактор.

Зои Дарси, их семилетняя дочь.

Верити Бердвуд (Берди), подруга Кейт, сотрудник телерадиокомпании.

Ник Бедфорд, друг Криса и Джереми, преподаватель университета.

Джилл Мишн, гражданская жена Ника, литературный редактор.

Соседи

Тереза Салливан, владелица магазина изделий ручной работы.

Нел Салливан, ее дочь-младенец.

Полиция

Саймон Тоби, сержант криминальной полиции.

Мартин Макглинчи, констебль криминальной полиции.

Глава 1

В яблоневого края

– Думаю, в нынешнем году там снова будет большое сборище, – горестно застонал Джереми. – Все семейство Тендер от мала до велика... Боюсь, я старею, Кейт, мне этого не выдержать.

Кейт рассмеялась над словами мужа, сгорбившегося за рулем.

– Ты говорил то же самое и в прошлом году, и в позапрошлом! Но в итоге всегда оставался довольным. Не понимаю, почему ты все время жалуешься! В конце концов, Крис – один из твоих старейших друзей.

– Может, и так. Но это не значит, что я должен потакать всем чудачествам его безумной семейки, правда? То есть карабкаться по горам и корячиться в саду его двоюродной бабушки.

– Да ладно тебе! Бедная старушка Элис... И потом, это происходит только раз в год! К тому же раньше тебе нравилось собирать яблоки.

– Да... но... – вздохнул Джереми. – Теперь все не так, верно? Даже Крис уже не тот. С годами у нас становится все меньше общего, мы ощущаем это всякий раз, когда встречаемся. Думаю, если бы мы сказали, что в нынешнем году не сможем приехать, он не стал бы возражать.

– А Бетси стала бы. Ей очень хочется снова собрать всю «старую братию», как она выразилась. – Кейт улыбнулась своим мыслям. – Знаешь, она так расчувствовалась, когда мы говорили по телефону. Сказала – вы с Крисом всегда были близки, словно братья, и поэтому ты для нее все равно что сын.

– О, боже упаси!

– Подумай о моем положении. Выходит, она мне вроде как свекровь, что неизмеримо хуже. – Кейт покачала головой. – Ох уж эта Бетси! Хотя Зои ее любит.

– В семь лет дети всех любят.

– Ничего подобного. Зои способна смертельно ненавидеть. Но Бетси знает подход к детям.

Кейт взглянула на заднее сиденье. Зои чуть покачивалась от тряски, пристегнутая ремнем к креслу. Глаза ее были закрыты, в руках лежала книга «Тайна волшебного дерева»^[1].

– Все еще спит. Впрочем, неудивительно. Вчера Зои не могла уснуть до одиннадцати, все предвкушала сегодняшнюю поездку. Она обожает дом Элис. Не ворчи, Джереми, все пройдет не так уж плохо. Там будут Ник и Джилл, как всегда. Бетси не даст им увильнуть. Подумай о бодрящей утренней свежести, о налитых соком яблоках в туманной дымке и о влажной траве, хрустящей под сапогами... Красота!

– И пиявки, которые жаждут крови...

– Ох, и правда! Я совершенно о них забыла. Господи, надо напомнить об этом Зои.

– Да уж.

Кейт притихла, окинула взглядом долины, лежавшие в голубоватых туманных складках гор, и зябко поежилась. Становилось холоднее.

Машина летела вперед, пересекая удлиняющиеся тени и следуя извилам дороги, которая взбиралась все выше и выше – в яблоневого края.

Анна втащила сумку в розовую спальню и поставила на стул в углу. В пыльное окно, выходящее на закрытую веранду, пробивались скупые лучи предзакатного солнца. Вдохнув знакомый запах старой комнаты, она вновь почувствовала себя ребенком. Анна всегда занимала розовую спальню, когда семья приезжала в дом тети Элис на ежегодный сбор яблок, если не считать прошлого года... Но об этом она предпочитала не вспоминать. Анна опустилась на кровать, застеленную выцветшим, из набивного ситца, покрывалом с оборками, и оглядела спальню. Розовые розы на тонком коврике еще не поблекли. Такие же прекрасные цветы тянулись по узкому

бордюру обоев. Розовые розы и зеленые листья, розовый и зеленый, зеленый и розовый. В детстве Анна любила, свернувшись калачиком, нежиться в постели холодным утром и считать розы. Трудно было не сбиться со счета. Она вечно забывала, где остановилась, и приходилось начинать заново. Роз было тридцать шесть. Она окончательно убедилась в этом в двенадцать лет.

Анна взглянула на свое отражение в зеркале гардероба. Теперь ей было уже не двенадцать, а в два раза больше. Из зеркала на нее смотрела не девочка с челкой и хвостиком, а молодая женщина с копной темных волос, большими карими глазами и точеными чертами лица. Анна охотно признавала свою красоту. В конце концов, этим она зарабатывала на жизнь. Ее работа моделью заключалась в том, чтобы быть красивой. «И так повелось задолго до того, как мне стали платить за это деньги», – с грустью подумала она.

– Дорогая! – послышался голос матери.

Анна поспешно вскочила с кровати, словно ее застукали за неблаговидным занятием.

– Когда освободишься, можешь помочь мне прибраться в комнате Кристофера?

– Да, мама... Я буду через минуту.

Она торопливо сорвала с кровати покрывало и тонкие серые одеяла и принялась стелить розовые простыни, которые приготовила мать. Как это похоже на маму: розовое постельное белье для Анны в розовую спальню.

Она склонилась над кроватью, чтобы заправить простыню у стены. Ей не пришлось далеко тянуться – кровать была узкой. Настоящая девичья постель, угрюмо отметила про себя Анна. В прошлом году она впервые спала не здесь, а на закрытой веранде, на широком матрасе, вместе с Дэмиеном. Супружеской паре полагалась двуспальная постель, пусть даже на выходные. Мать твердо придерживалась этого правила, хотя решительно не одобряла брак дочери.

Но то было в прошлом году. Теперь же Дэмиен ушел, а Анна... вернулась в розовую спальню.

Она выскользнула из комнаты и вышла на закрытую веранду, огибавшую дом с трех сторон. В правом крыле, где часть веранды отделяла грубая фибролитовая перегородка, Бетси неуклюже пыталась застелить двuspальный матрас на полу простыней в голубую полосу. Старый гардероб, готовый заменить собой четвертую стену, дожидался, когда его придвинут к матрасу. Анна усмехнулась. В этом году супружеское ложе предоставили ее брату Крису и его молодой жене. Что ж, жизнь шла своим чередом.

– Давай скорее, дорогая. Я умираю, как хочу чаю.

– Мама, почему бы им самим не застелить себе?

– О, я хочу, чтобы к их приезду все было готово. Уж я-то знаю, как живется Кристоферу с этой бедной малышкой Сью. Думаю, он будет в восторге, если ему в кои-то веки приготовят постель и для разнообразия позволят понежиться на чистых простынях. В самом деле, эта женщина понятия не имеет, как вести хозяйство!

Они расстелили простыню, расправили и начали укладывать одеяла. Бетси не умолкала:

– В их доме вечный беспорядок: повсюду разбросана одежда, в раковине горы грязной посуды. Ты же знаешь, какой Кристофер брезгливый. Должно быть, для него все это сущая пытка! Я страшно беспокоюсь за него.

– Если Криса так огорчает бардак, ему ничто не мешает убраться, верно? – раздраженно возразила Анна и добавила после небольшой паузы: – Дэмиен всегда помогал мне по хозяйству. – Ей стоило усилия даже произнести его имя.

Мать выпрямилась и посмотрела на дочь.

– Дорогая, но ты ведь, конечно, не считаешь Дэмиена примером для подражания – после всего, через что тебе пришлось пройти по его милости?

– Нет. Видит бог, я вообще не собиралась упоминать о нем: лишь хотела сказать, что Сонси все дни проводит в больнице и часто

дежурит в ночную смену, верно? – то есть работает не меньше, чем Крис.

– Ну, не знаю, Анна. Конечно, Сонси устает: ведь она занимается физическим трудом, и в этом нет ничего плохого, – но Кристофер работает головой, а это гораздо больше выматывает. Он сам это признает. Нельзя ожидать, что он взвалит на себя хлопоты по дому, после того как целый день преподавал. Кристофер, бедняжка, как-то обмолвился, что выбивается из сил. Не то чтобы он жаловался... Он очень предан Сью. – Бетси протяжно вздохнула.

– Мама, может, Сонси и не слишком умна, но... обожает Криса. Она...

– Ах, дорогая, я вовсе не осуждаю невесту. Пожалуйста, не думай так. Боже упаси, это не мое дело! И я действительно по-своему люблю ее. Думаю, она искренне старается. Но ей не посчастливилось родиться в хорошей семье, и не скажу, чтобы она особенно стремилась перенять чужой опыт, измениться, чтобы разделить с Кристофером жизнь, которую он всегда хотел для себя. Брак предполагает равноправное партнерство, Анна. Он строится на основе взаимных уступок и компромиссов. Мне так жаль, что...

– Да, мама, я знаю! – оборвала мать Анна, не в силах вынести ее разглагольствований. К тому же, судя по всему, Крис действительно сожалел о своем браке. И что бы ни говорила Бетси, они с сыном явно обсуждали его семейную жизнь.

Они прикрыли постель пестрым вязаным пледом, а затем подвинули гардероб, оставив место для прохода. У стены возле матраса стояла тумбочка, накрытая кружевной салфеткой. На ней красовалась вазочка с букетом полевых цветов. Еще один маленький знак внимания: мол, добро пожаловать, милые Крис и Сонси. Такая же вазочка с цветами стояла в комнате Анны. Поистине мама была неутомима.

– Кажется, на вид здесь довольно уютно, правда? – произнесла Бетси, с удовлетворением оглядывая крохотную импровизированную спальню.

Анна вдруг ощутила к матери прилив нежности. Бетси выбивалась из сил и делала так много, а они принимали это как должное. Она искренне тревожилась обо всех: о пожилom папе, чьи дела пришли в упадок, об Анне, запутавшейся в своих отношениях с Дэмиеном, о нескладном подростке Родни, а теперь еще и о Крисе с маленькой глупышкой Сонси^[2]. Боже, даже прозвище невестки звучало как-то по-детски. Бетси выглядела ухоженной и элегантной, как всегда, но теперь, смягчившись, Анна заметила у нее тонкие морщинки вокруг глаз и у рта. Мать внезапно показалась ей чуть более старой, чуть более усталой. Неудивительно, ведь Бетси была столпом, на котором держалось все шаткое здание семейного храма.

Анна шагнула к матери и обняла ее за плечи.

– Бедная мама, так переживать за нас. Слушай, заварю-ка я нам чаю, а потом займусь комнатой для Кейт и Джереми.

Бетси с благодарностью посмотрела на дочь.

– Это было бы чудесно.

Проходя по веранде в сторону холла, Анна обронила:

– Жаль, что веранда застекленная, правда? Дом выглядел бы намного лучше, будь она открытой.

– Да, наверное. Конечно, тетушке Элис места хватает с избытком, ведь она живет здесь совсем одна, но когда мы приезжаем на сбор урожая яблок, в доме бывает тесновато. Как бы мы все поместились здесь, не будь у нас застекленной веранды? Одно крыло займут Кристофер со Сью, другое – Родни, а здесь, в средней части, найдется место для Ника и Джилл.

Анна бросила взгляд на две раскладушки, чинно стоявшие вдоль стены. Ник и Джилл прожили в гражданском браке столько же, сколько Кейт и Джереми, то есть лет двенадцать-тринадцать, однако официально были не женаты, а потому им полагалось спать порознь. Может, дом и принадлежал Элис Олкотт, но ежегодный сбор урожая яблок был спектаклем Бетси Тендер: она распределяла роли, и выбранные ею актеры играли по ее правилам.

В темный холл выходили двери всех комнат. Бетси с Уилфом всегда занимали большую спальню слева, которая когда-то принадлежала родителям тетушки Элис. Бетси рассказывала дочери, что, будучи ребенком, всегда восхищалась этой комнатой, казавшейся ей роскошной и величественной. Анна смутно помнила, что в детстве тоже слегка благоговела перед большой спальней, в основном потому, что, если верить семейному преданию, после смерти отца Элис под кроватью, в тайнике под половицей, нашли жестяную коробку с его завещанием и кучей соверенов. Теперь загроможденная мебелью комната выглядела мрачной и унылой. Тускло освещенная, с огромной дубовой кроватью в одном конце и массивным резным гардеробом – в другом, она тянулась вдоль всего холла. Только перед входом в гостиную располагалась небольшая ниша, где находился бельевого шкафа. Там, окутанные запахом нафталина, висели стопки льняных простыней, вышитых скатертей и наволочек с кружевами и обтяжными пуговицами.

Справа помещались две спальни – обиталище Анны и небольшая комнатка, в которой всю ближайшую неделю предстояло ютиться Кейт, Джереми и Зои. Эту комнату всегда называли китайской спальней – из-за фонариков, украшавших широкий бордюр на обоях. Раньше ее занимала тетушка Элис, но несколько лет назад она устроила себе спальню в задней части дома, отделив часть веранды перегородкой.

– Интересно, почему тетя Элис переехала из своей комнаты? Здесь гораздо теплее, чем на веранде, – с любопытством заглянула в открытую дверь Анна.

– Ох, это одному богу известно! – вздохнула Бетси. – Она вроде говорила, что хочет любоваться яблонями, ведь окна там выходят в сад. Знаешь, дорогая, тетя Элис и вправду становится... чудаковатой. Меня беспокоит, что она надолго остается здесь совсем одна. На этой неделе попробую убедить ее переехать в Сидней – там я смогу присматривать за ней.

Они прошли через захлавленную гостиную и повернули направо – в кухню. Анна наполнила чайник и обвела взглядом горы домашних мелочей, копившихся здесь на протяжении жизни нескольких поколений. На стене рядом со старым железнодорожным расписанием примостился календарь времен коронации Елизаветы, а возле старой печи на крюке висел чугунный котелок. «Хоть одна стоящая вещь», – подумала Анна. Старинная посуда сохранилась, должно быть, с незапамятных времен. Ей вдруг стало обидно за Элис.

– Мама, она прожила здесь всю жизнь. Тетя Элис ни за что не переедет.

– Ей придется переехать, Анна. Это единственный выход. Дом для нее слишком велик. Господи, ты только посмотри на эту кухню, или на жуткую ванную со сгнившим полом, или на кладовую. Тетя Элис просто обязана образумиться. Думаю, ей будет комфортнее в маленькой уютной квартирке в Сиднее. Главное, чтобы из окна открывался хороший вид. А здесь она даже не знает, где что лежит. Спрашиваешь ее о чем-нибудь, а она в ответ только пожимает плечами или отправляет тебя бог знает куда. Мы с твоим отцом избавимся от лишнего хлама и превратим это место в чудесный загородный дом, где сможет отдыхать вся семья. Бедняжка Родни! Школьные друзья постоянно приглашают его в свои летние пляжные домики или горные коттеджи, а он не может ответить им тем же. Так что все останутся довольны. С какой стороны ни посмотри, это наилучшее решение.

Бетси о чем-то задумалась, на губах заиграла легкая улыбка. «Кажется, можно услышать, как крутятся шестеренки у нее в голове», – подумала Анна. Бетси была великой мастерицей строить планы. Стоило ей что-то задумать, и она считала свой замысел делом решенным. Разумеется, Бетси ожидала, что остальные безропотно подчинятся: и самое забавное, обычно так и бывало, – но Анна подозревала, что в Элис Олкотт мать найдет достойного противника.

Да, тетушка Элис была твердым орешком.

Элис Олкотт уселась на веранде, позволив мыслям течь как им заблагорассудится. Сколько лет она сидит здесь в предзакатные часы с газетой или книгой и наблюдает, как растут яблони? Сколько же лет? Да всю жизнь. Она родилась в этом доме восемьдесят лет назад. Здесь, на дощатом полу в холле и гостиной, училась ходить.

Элис росла вместе с яблонями, согретая горным солнцем и закаленная горной прохладой. Течение ее жизни подчинялось неторопливой смене времен года: за холодной зимой, когда голые ветви яблонь гнулись под ветром, приходила волнующая весна с ее хрупкими нежными цветами и пчелами, потом наступало зеленое лето и наконец осень, когда ветви деревьев тяжелели от яблок, светившихся алым в утренней и вечерней туманной дымке.

С годами яблони постарели, стали кривыми и согнулись к земле, как и сама хозяйка дома. Элис давно уже не сажала молодые деревца. Пять лет назад она продала часть земли новым соседям, поскольку денег не хватало, а поддерживать сад становилось все труднее. Но ближайшую к дому часть сада Элис не собиралась продавать. Она не расстанется с яблонями, пока жива. А потом... что ж, потом Бетси добьется своего.

Элис услышала за спиной голоса, доносившиеся из гостиной, и, опустив голову на грудь, задышала медленно и ровно.

Из приоткрытой двери послышался шепот Анны:

– Тетя Элис спит, мама.

– Бедная старушка... тогда оставь ее, пусть подремлет, – отозвалась Бетси. – В последнее время она действительно очень...

Дверь, щелкнув, закрылась.

Элис Олкотт продолжала сидеть с опущенной головой.

Значит, «бедная старушка». Она стиснула зубы. Как ей выдержать эту неделю? Бетси в самом деле стала совершенно невыносимой. Хотя, если подумать, она никогда по-настоящему не любила племянницу, внезапно пришло ей в голову. Еще ребенком та вечно

норовила командовать. И все-то она знала лучше других. Даже тогда. А уж теперь... О боже!

Элис раздраженно заерзала в кресле и приоткрыла глаза. Яблони расплывались в золотистом тумане. И все же Бет – дочь ее покойной сестры Лили – была единственной, кто у нее еще остался из близкой родни. Как славно, что она возится со старой теткой. Наведывается почти каждый месяц, наводит порядок и всякое такое. Впрочем, Бет из тех, кто всегда поступает правильно, о да, даже если не встречает в ответ благодарности.

Элис слегка улыбнулась. Ну, в конце концов, неделя не будет длиться вечно. Урожай соберут, и, как всегда, ей не придется платить сборщикам. Не могла же она допустить, чтобы ее яблоки осыпались и сгнили, даже если им все равно предстояло пойти под пресс на перерабатывающем заводе. Старые яблони избавятся от своего бремени, и завершится еще один год. А что до навязчивой идеи Бет с переездом в Сидней... Что ж, придется заставить ее понять раз и навсегда, что об этом не может быть и речи! Ей ничего не останется, как только смириться.

Элис откинулась на спинку кресла и стала смотреть на яблони.

Анна разлила по кружкам чай и бросила взгляд в окно над раковиной.

– О, смотри, там папа! – воскликнула она, заметив, как из-за угла дома показалась знакомая фигура и поспешила открыть заднюю дверь.

– Здравствуй, папа. Как ты? Все хорошо? – заботливо спросила она и забрала у него корзину, полную покупок.

– О, прекрасно, милая, – с улыбкой отозвался отец. – Я славно прогулялся.

«И все же он выглядит усталым, – подумала Анна. – Щеки слегка порозовели от ходьбы, но ладони ледяные».

– Мы как раз пьем чай. – Анна взяла отца под руку и повела на кухню, где их дожидалась улыбающаяся Бетси.

– Уилфи, похоже, ты замерз. Выпей чаю. Ты принес молоко?

– Да, я купил все, что ты просила, – откликнулся Уилфред и, обхватив ладонями теплую кружку, осторожно опустился на табурет. – Сегодня и впрямь холодновато, ей-богу! А где Элис?

– Дремлет на веранде. Не стоило будить ее ради чашки чая, – ответила ему Бетси. – Бедняжка выглядит такой старой, правда, Уилф? – добавила она, понизив голос.

– Да, пожалуй. Элис немного сдала, с тех пор как я видел ее в последний раз. – Он грустно улыбнулся. – Думаю, мы все стареем, Бет. Годы дают о себе знать.

Анна с Бетси переглянулись. В последнее время Уилф часто заводил подобные разговоры.

– Помните старика из дома напротив? Того, что держал козу? – уныло продолжал он.

– Да, смутно, – отозвалась Анна. – Кажется, мистер... Симпсон... Щуплый такой, низкорослый.

– Да, он самый. Чудаковатый старикан. Симкисс, а не Симпсон. – Уилф замолчал.

– И что? – проговорила Бетси. – Ты его встретил? Уверена, он все такой же бойкий.

– Нет, – буркнул Уилф. – Он помер.

Анна не удержалась и прыснула.

– Анна! – осуждающе одернула ее мать. – Да что с тобой такое?

– В этом нет ничего смешного, Анна, – серьезно произнес Уилф. – Сердце. Я думал, Элис упоминала об этом. – Он покачал головой.

– Нет... она никогда... хотя постой: конечно, она говорила. Да, это было по меньшей мере полгода назад. Теперь я вспомнила. Она лишь обмолвилась об этом и казалась скорее довольной, чем опечаленной. Ты ведь знаешь, какой Элис иногда бывает. В конце концов дом продали. Но объявление о продаже долго висело. Интересно, кто его купил?

– О, я встретил новую хозяйку по пути домой, – встрепенулся Уилф, воодушевленный тем, что принес свежую новость. – Мы

перекинулись парой слов. Похоже, она милая женщина. Одевается несколько вычурно, но довольно приятная. Ее зовут миссис Салливан. Она вдова.

– А как она выглядит, Уилфи? – спросила Бетси. – Мне она ни разу не попадалась на глаза.

– Ну, она довольно крупная женщина. Примерно с меня ростом и к тому же в теле, ну, ты понимаешь. Она держит сувенирный магазинчик в городе. И похоже, еле сводит концы с концами. У нее ребенок, еще младенец, других детей вроде нет.

– О господи, – заохала Бетси. – Выходит, ее муж умер совсем недавно. Что с ним случилось, Уилф?

– Ради бога, Бет! Не мог же я спросить ее об этом! Мы просто перекинулись парой слов!

– Да, конечно. Но я подумала, что она, возможно, упомянула. – Бетси помолчала. – Ну, как бы то ни было, Уилфи, почему бы тебе не прилечь ненадолго? – вдруг выпалила она. – Постель уже готова.

– А почему остальные не приедут сегодня вечером? – спросила Анна, неспешно собирая посуду со стола.

– О, Ник занят в университете. У него там театральная студия или что-то в этом роде. Милый Ник... Кристофер так будет рад видеть их с Джереми. Он любит встречаться со старыми товарищами. И всегда любил. Это его отвлечет, поможет развеяться. Они славные мальчики. Как гласит пословица, старые друзья на вес золота. Правда, Анна?

– Да, – сухо заметила дочь. – Только теперь все трое уже не мальчики, мама. Они женаты или почти что женаты, как в случае с Ником.

– Ладно, ладно! – Бетси не придавала значения этому факту, равнодушно пожав плечами. – Разумеется, девочкам мы тоже рады. Кстати, Ник и Джилл приезжают завтра утром. И еще я пригласила подругу Кейт – как ее зовут? Верити? Она тоже приедет завтра. Я решила, что так будет проще... – Бетси решительно поднялась и, взяв мужа под руку, повела в спальню.

Анна убрала со стола, вытерла крошки и огляделась. Боже милостивый! Дом завален всевозможной рухлядью. Все ящики забиты до отказа – старые дверные ручки, вазы, крючки, стеганные колпаки на чайник; сломанные засовы, снятые с дверей, да так и не выброшенные на помойку; гвозди, потрепанные колоды игральные карт и множество других вещей. Судя по всему, тетя Элис никогда ничего не выбрасывала. Если бы она решилась перебраться в Сидней, уборка предстояла бы грандиозная!

Вернулась мать.

– Не беспокойся, дорогая, я займусь посудой. Иди в китайскую комнату и застели кровать.

– А где будет спать Верити?

– Ей придется устроиться в углу веранды, рядом с Родни. Вроде бы она привезет с собой спальный мешок. Сказать по правде, Анна, нам только чужих здесь и не хватало. Будто мало нам тети Элис с ее причудами. Вот напасть! Но когда Кейти попросила меня, я не смогла сказать «нет». Мне казалось, у нее больше здравого смысла.

– Ну, наверное, она думала, что ты откажешься, если сочтешь это неудобным.

– Дорогая, разумеется, она ничего такого не думала. Никак не могу вспомнить фамилию этой девушки... Верити... Верити... А-а! Верити Бердвуд, точно! Верити Бердвуд. Забавная фамилия^[3], правда?

– А-а, Берди! – воскликнула Анна.

Мать повернулась к ней.

– Ты ее знаешь?

– О нет, мы ни разу не встречались, но Джереми как-то говорил о ней. Кажется, она работает в Эй-би-си^[4]. По словам Джереми, особа с характером. Они с Кейт вместе учились в школе.

– Что ж, надеюсь, она придется здесь ко двору. Мне так хочется, чтобы все прошло гладко. Послушай, Анна, ты собираешься заняться китайской комнатой или нет? И по дороге загляни, пожалуйста, к Родни. Он за домом, проверяет стремянки.

Анна медленно побрела выполнять поручения. Бетси начала мыть посуду. Уилфред Тендер лежал в спальне, глядя в потолок. Элис Олкотт наблюдала, как тени от яблонь становятся все длиннее.

Сонси смотрела в окно. Черные тени наплывали и исчезали в стороне от дороги. Временами какая-нибудь унылого вида лошадь вскидывала голову и глядела на проезжавшую машину. Светились окна старых домишек, что притулились за деревьями, утопающими в клубах тумана.

Дома казались сказочными, свет в окнах манил. Жаль, что они с Крисом едут не в один из них, подумалось Сонси. Она согласилась бы отправиться куда угодно, только не в обветшалое обиталище тети Элис, полное детских воспоминаний Криса, где соберется вся его семья, умные, ироничные друзья и элегантная мать, которая всегда и во всем права. Сонси сложила руки на коленях и опустила голову.

– Выше нос, Сонси! – Крис повернулся к ней. Между его бровями залегла маленькая складка, которая всегда ее напрягала.

– О, все в порядке. Я просто пытаюсь расслабиться, ну, ты понимаешь. У меня выдался тяжелый день, – торопливо пробормотала она.

«Я совершенно безнадежна», – в отчаянии подумала Сонси. Почему она не умела легко принимать происходящее, каким бы оно ни было? В больнице все думают, будто она счастлива и беззаботна. Коммунистические заговоры, похищения, отравленный чай – какие только ужасные мании не терзали ее пациентов, но она ухитрялась со всем справляться. Так почему же ей не удавалось совладать с собственными глупыми страхами? Следовало взять себя в руки. Особенно теперь. «Сестра, исцелись сама!» – строго приказала себе Сонси и улыбнулась собственной шутке.

– Так-то лучше! – одобрительно кивнул Крис, и голос его смягчился. – Дорогая, я знаю, поездка тебе не в радость. Знаю, с мамой иногда бывает очень нелегко, но она любит семейные традиции. Сбор урожая яблок всегда проходит по-настоящему

весело. И не забывай: там будет Кейт. Тебе ведь нравится Кейт, правда?

– Да, Кейт милая. И Джереми – интересный человек. Но, по моему, я ему не нравлюсь.

– Конечно, ты ему нравишься, глупышка. Разве может быть иначе? – Крис сжал ее теплую шероховатую ладонь. – Как насчет того, чтобы послушать новости?

Внезапно все снова стало хорошо. Глупо было тревожиться. В конце концов, что могла ей сделать Бетси? Сонси включила радио. Машина мчалась сквозь ночь.

Глава 2

Старая братия

После позднего обеда все собрались в гостиной. В камине потрескивал огонь, задернутые шторы отгораживали от холодной туманной ночи.

Зои, переполненная восторгом и радостным предвкушением завтрашнего дня, удалилась в китайскую комнату и вскоре уснула на своей раскладушке, хотя успела подремать в машине. Она лучше, чем Кейт, помнила этот дом по прошлому и позапрошлому годам. Все здесь казалось ей причудливым и завораживающим, начиная с каминных часов, отбивавших каждую четверть, и заканчивая покрытыми мхом камнями возле старого чана с водой.

Обычно, когда Зои спокойно засыпала в чужом доме, Кейт испытывала огромное облегчение, словно благополучно преодолела препятствие, уже давно маячившее на горизонте. Но только не в этот вечер. Кейт расположилась в удобном кресле, с виду совершенно довольная; на коленях лежало вышивание, которое обманчиво казалось почти законченным, и все же беспокойные мысли ее не отпускали. Это было странно, даже нелепо, хотя, если подумать, вполне предсказуемо. Они приезжали собирать яблоки седьмой год подряд, и Кейт отлично изучила все семейство Тендер.

Элис, как всегда, сидела у огня все в том же плетеном кресле с неизменными выцветшими мягкими подушками, подложенными на спинку и сиденье. Она мало изменилась, но казалась более усталой, чем обычно. Гостей Элис встретила сдержанно – лишь улыбнулась и кивнула, предоставив Бетси хлопотать вокруг них. Это было совершенно на нее не похоже.

Кейт вздохнула. Старушка Элис начала сдавать. Вероятно, поднимаясь в доме суматоха выматывала ее. Пока Бетси устраивала Крису и Сонси на веранде, Элис разговаривала с Зои, но

даже это слегка утомило хозяйку дома. Когда Кейт вошла в гостиную, они сидели голова к голове над старинной иллюстрированной книгой «Путешествие пилигрима»^[5]. Очарованная Зои восхищенно водила пальцем по устрашающего вида изображениям ужасного бремени скверны, которое влачили юные искатели истины.

– Мы не смогли найти книгу «Эльфы и феи», но тетя Элис вот что достала, а это даже лучше. Она обещала показать мне свой старый поезд и еще Ноев ковчег. Смотри, мама, я ведь тебе говорила, что у детей тоже есть грехи. И мистер Блейкли так сказал, а здесь есть картинка! – с вызовом заявила Зои.

– Зои, я никогда не утверждала... можно по-разному смотреть на вещи... – сбивчиво заговорила Кейт, чувствуя, что в этот поздний час невозможно втолковать дочери сложные вопросы бытия, смерти и вечной жизни взамен куда более заманчивого простого объяснения, которое предлагал неизвестный автор иллюстраций, а также мистер Блейкли, награждавший учеников мармеладными бобами за правильный ответ из Священного Писания.

– Из нашего класса самое тяжкое бремя грехов наверняка придется тащить Джейми Нетсби, – серьезно произнесла Зои. – Представляешь, мама, он бьет девочек.

– А может, и не самое тяжкое, кто знает, – возразила Кейт. Развернувшаяся религиозная дискуссия вызывала у нее странную смесь восхищения и ужаса.

– Да, – Элис снова повернулась к огню. – Все зависит от того, что называть грехом, – так я и сказала. Порою самые ужасные грехи совершает тот, кто меньше всего похож на злодея. Внешне прекрасное яблоко может оказаться внутри черным и насквозь прогнившим. Никогда не скажешь заранее.

Кейт с недобрым предчувствием повела переодевать в пижаму взбудораженную Зои. Элис была яркой и притягательной, но, возможно, слишком пряным блюдом для семилетнего ребенка, наделенного богатым воображением.

Однако отвратительные людские грехи или почерневшие гнилые яблоки, похоже, не преследовали Зои во сне, и Кейт невольно задумалась о характере старой женщины, неподвижно сидевшей у огня. Какой странный контраст со своими гостями составляла эта старуха с морщинистым лицом, с длинной седой косой и в бесформенной ветхой одежде!

Кейт перевела взгляд на Бетси – блестящие, мастерски уложенные волосы (здесь чувствовалась рука профессионала), безукоризненный макияж и все еще прекрасный цвет лица, пронзительные ярко-карие глаза и подтянутая, изящная фигура. Хорошего покроя бежевые слаксы, дорогой кашемировый свитер-поло в розовых тонах, маленькие замшевые сапожки – совершенный образ привлекательной матери семейства на отдыхе. Бетси оживленно беседовала с Крисом и Джереми об их славных студенческих днях и делилась надеждами, что юный Родни будет, как и они, наслаждаться жизнью, когда придет его время.

Позади нее в тени сидел Уилфред Тендер, Уилф. В противоположность жизнерадостной Бетси – воплощенное уныние. Если Бетси напоминала Кейт певчую птичку, суетливую, смышленную, со склоненной набок головкой, острым клювиком и зорким черным глазом, вечно высматривающим, нет ли поблизости жирного червячка, Уилф больше походил на филина – такой же серый, взъерошенный и угрюмый. Он был невысокого роста, полноватый, с водянистыми голубыми глазами и редкими волосами. Говорил он мало – робким, запинаящимся голосом. Какая немислимая пара, уже в который раз подумала Кейт. И все же они, казалось, неплохо ладили.

Дети в этом браке определенно унаследовали внешность матери. Красавица Анна сидела в другом конце комнаты, подогнув под себя длинные ноги в протертых джинсах и сапожках. Темно-красный джемпер с широким воротом-хомутом отбрасывал розовые тени на ее нежное, прелестное лицо. Она говорила Кейт, что джемпер подарила ей мать. Должно быть, он стоил сумасшедших денег.

Сегодня Анна выглядела рассеянной и нервной. Неподвижным взглядом она смотрела куда-то в угол, теребя тонкими пальцами два сухих стебелька.

Крис сидел рядом с матерью, положив руку на спинку дивана, и, смеясь, обменивался воспоминаниями с Джереми. Кейт пришло в голову, что теперь, в тридцать четыре года, он выглядит намного интереснее, чем в двадцать с небольшим. В юности густые брови над глубоко посаженными глазами, мощный нос и крупный рот казались непосильной тяжестью для тонкого лица, отчего иногда Крис походил на грустного клоуна (впрочем, благодаря находчивости он ловко этим пользовался). С годами он стал грузнее, раздался в кости, и крупные черты лица пришлись как раз впору. «Как жаль, что, возмужав, Крис перестал совершать бесшабашные поступки, которые так веселили нашу компанию в былые деньки», – вздохнула Кейт. Теперь Крис относился к себе гораздо серьезнее, и это бросалось в глаза.

Почти безотчетным движением она положила руку на колено мужа. С Джереми такого не случилось. Он остался прежним, запальчивым, умным, забавным парнем, за которого она вышла замуж двенадцать лет назад.

Сейчас он посмеивался над неуклюжей остротой Родни, чье еще по-детски пухлое лицо так и лучилось радостью. Родни блаженствовал оттого, что его неожиданно приняли в мужское братство взрослых с их воспоминаниями и шутками. Щеки Родни покраснелись, хриплый голос звучал все громче.

В другом углу гостиной сидела Сонси, жена Криса, неумолимо отрезанная от магического круга света и веселого смеха. Она и сама понимала это. Кейт посмотрела на нее и почувствовала раздражение. Когда они с Крисом только приехали, Сонси вела себя как обычно: была оживленной и игривой, словно котенок, – но после того как Бетси все настойчивее завладевала вниманием сына, замкнулась в себе. О господи, похоже, эта девочка ревнует мужа к его матери, подумала Кейт. Будь она на месте Сонси, попробовала

бы бороться, вместо того чтобы кукситься и скулить, точно побитый щенок под дверью.

Жена Криса подняла голову, как будто ощутила ее взгляд, и Кейт невольно содрогнулась: в потемневших синих глазах Сонси застыло горькое страдание. Все раздражение Кейт вдруг исчезло. Разве могла эта малышка схватиться с бывалым воякой вроде Бетси? О, та мастерски умела отпускать колкости вкрадчиво-бархатным тоном и наносить коварные удары в спину. Почему бы Крису не встряхнуться и не позаботиться о своей молодой жене, когда со дня свадьбы еще и года не прошло? Он ведь наверняка видел, что Сонси чувствует себя неуютно в чужой обстановке.

Голос Бетси поднялся до визга, что только распалило нарастающую злость Кейт.

– Ах, Родни, в те времена они были такими озорниками! Кристофер, Джереми и Ник. Несносная троица! Боже мой, страшно вспомнить, сколько ночей я провела в ожидании, когда же Кристофер вернется домой! Я и вправду всякий раз тряслась от ужаса: все высматривала, не появилась ли его машина. Правда, Уилф?

Уилфред Тендер слегка вздрогнул, когда к нему вдруг обратились. Все в гостиной на миг замерли, будто с удивлением вспомнили о его существовании. Серая одежда, словно специально выбранная для камуфляжа, делала Уилфа совершенно незаметным. Его фигура полностью сливалась с выцветшими шторами в затененном углу, который он себе облюбовал.

– Что, прости? Я прослушал.

– Я говорила о том, как в былые времена сходила с ума от беспокойства, когда Кристофер поздно возвращался домой, – терпеливо повторила Бетси.

– А-а... да, – пробормотал Уилф. – Но ничего страшного не случилось. Ты зря волновалась.

– Даже если и так, – резко осадил его Бетси, – кто-то должен был следить, когда наш сын приходит и уходит. – Но внезапно

смягчилась и снисходительно улыбнулась. – И все же мальчишки всегда остаются мальчишками! Что могла поделать бедная старенькая мать?

– В моем случае – много чего, – грустно усмехнулась Анна.

– Но ты ведь не мальчик, дорогая. Девочек нужно опекать ради их же блага. Кейт, думаю, ты, конечно же, с этим согласишься... теперь, когда у тебя есть собственная дочь?

– О да, – отозвалась Кейт. – Думаю, девочки нуждаются в опеке больше, чем мальчики.

– Слышишь, Анна? Что я тебе говорила! – кивнула Бетси. – Кейт знает.

– Однако, я надеюсь... мы с Джереми надеемся, что нам по крайней мере не придется защищать Зою от нее самой. Я хочу сказать, с опекой можно слишком далеко зайти.

Кейт почувствовала, как в гостиной повисло напряжение. Бетси ждала, склонив голову набок, со снисходительной улыбкой. Кейт сбивчиво продолжила:

– То есть, понимаете, я надеюсь, она вырастет достаточно уверенной в себе, а мы сможем разумно и тактично заботиться о ней, вместо того чтобы обращаться с дочерью так, будто она слабоумный ребенок, нуждающийся в постоянном присмотре.

Наступила тишина, и Кейт поняла, что сгоряча сболтнула лишнее.

Бетси нахмурилась.

– Ты напрасно думаешь, будто мы с Уилфом не уважали Анну и считали глупой.

– О нет, конечно, я вовсе так не думаю... – забормотала Кейт, проклиная свой язык.

– Ах, Кейт, конечно, думаешь! – выпалила Анна, резко выпрямившись и вытянув стройные ноги. – Это правда! – Она упрямо свела на переносице темные брови, не отрывая взгляда от сверкающей кожи своих коричневых сапожек.

– Анна, это просто смешно, дорогая. Мы с твоим отцом...

– Теперь это уже не важно, мама. Было важно в прошлом, но тогда я этого не понимала, ничего не знала о жизни. В двадцать один год я все еще была сущим младенцем. Отсюда все мои беды.

– Ты и сейчас младенец, – возмущенно перебил ее Родни, сжав кулаки. Лицо его вспыхнуло. – Ты не можешь винить маму за то, что выбрала себе в мужа такого придурка, как Дэмиен.

– Родни, пожалуйста!

– О, замолкни, Родни. Откуда тебе знать... – Анна встала, накинула куртку и подошла к двери. – Я собираюсь прогуляться, – объявила она.

Дверь за ней закрылась, на задней лестнице послышался дробный стук шагов.

– Мне так жаль, Бетси, – заговорила Кейт. – Я действительно никого не хотела обидеть, в моих словах не было ничего личного...

– Все хорошо, Кейти, – мягко, с горестным сожалением улыбнулась Бетси. То была улыбка женщины, которой пришлось многое пережить. – Ты не могла знать, что так выйдет. Анна сама не своя после расставания с Дэмиеном. Этот человек за многое в ответе.

– Не переживай, Кейт, – добавил Крис. – В последнее время Анна постоянно на взводе. Думаю, ее все еще тянет к старине Дэмиену.

– Что за глупости, Кристофер! – резко оборвала его мать. – Твоя сестра давно раскусила этого человека и видит его насквозь. – Бетси повернулась к Кейт. – Вот чего Анна не понимает, так это того, что если мы с отцом временами излишне ее опекали – а я вижу, что и ты так думаешь, дорогая, – значит, на то были веские причины. Она очень чувствительная девушка, ты знаешь, а потому более уязвимая, нежели... большинство современных молодых женщин.

Кейт ничего не оставалось, только кивнуть и храбро улыбнуться в ответ. Она нарушила правила, и теперь приходилось платить штраф.

– Ну, не будем затевать споры в наш первый вечер, правда? – заключила Бетси решительным тоном, давая понять, что неприятная тема закрыта раз и навсегда. Она слегка повысила голос: –

Ежегодное нашествие началось, тетя Элис. Осталось дожидаться Ника и Джилл, которые приедут завтра, и вся старая братия будет в сборе, готовая к бою. Верно? – Она с улыбкой обвела взглядом собравшихся. Как и ожидалось, ответом ей были кивки, улыбки со всех сторон и одобрительное бурчание.

– Ладно, Бет, ты приехала, и я рада тебя видеть, но, как я уже говорила, лучше бы ты избавила себя от лишних хлопот в этом году, – отозвалась Элис. Дрожащий огонь в камине освещал нижнюю половину ее старого морщинистого лица с крупным носом и тонкими губами, оставляя в тени глубоко посаженные глаза с полуприкрытыми тяжелыми веками. – Урожай не особенно хорош. Сбирать почти нечего. Яблони слишком старые. Как я. Толку от них мало.

– Ты говоришь так из года в год, тетя Элис, – со смехом возразил Крис. – Перестань, яблони в полном порядке, и на перерабатывающем заводе яблоки примут, как обычно, разве нет?

– Да вроде бы, дружок. – Губы Элис сжались, уголки слегка опустились. – В любом случае, нравится нам это или нет, яблоки придется собрать, как всегда, коли я еще здесь. Чертов урожай. Нельзя же оставить плоды гнить, если ты целый год возилась с ними – орошала, удобряла...

– Конечно, нельзя, дорогая, – тактично подхватила Бетси. – Ни о чем не волнуйся. Мы сами все организуем. – И немного помолчав, добавила: – И пока мы здесь, нам нужно серьезно поговорить. Настало время принять важное решение насчет будущего, ты согласна?

Элис чуть сгорбилась в своем кресле, но промолчала, не отрывая взгляда от огня.

На лице Бетси мелькнула досада – ей недвусмысленно дали отпор.

Наступила неловкая тишина, которую нарушил бой часов на каминной доске. Часы пробили девять раз. «Наверняка сейчас куда больше!» – подумала Кейт. Она почувствовала на себе взгляд

Джереми, но продолжала сидеть, опустив глаза и внимательно разглядывая свои руки.

Сонси в своем углу беспокойно заерзала и покосилась в сторону Криса, но тот с тревогой смотрел на мать. Он искренне волновался за нее. Сонси не разделяла его чувств. Она приняла сторону Элис. Почему Бетси не оставит ее в покое? Почему она никого не оставляет в покое? Вечно распоряжается, и делает это с безупречным тактом, разумеется. «Сью, дорогая, я заметила, что рубашки Криса немного износились. Мужчины такие беспомощные в подобных вопросах, а ты так занята. Я наткнулась на это на распродаже и не смогла устоять... Сью, дорогая, я переписала для тебя тот рецепт жаркого из ягненка. Это очень быстро и питательно, а Кристофер такой разборчивый... На днях мне показалось, что он выглядит немного... Ну, не знаю, Крис, я бы поставила этот буфет у задней стены и... подожди, я нарисую тебе план... конечно, у Сьюзен, возможно, другие идеи... но я бы...» «Самое ужасное, – с тоской подумала Сонси, – что возражать бесполезно, все равно окажешься виноватой. Бетси всегда так мила, так вежлива и тактична. Вот и получается, что ты чувствуешь себя капризным ребенком, если не соглашаешься с ней. Похожие чувства испытывает сейчас и бедная старая Элис, съездившаяся в кресле. Ее сопротивление лишней раз доказывает, что она действительно сильно сдала и нуждается в помощи, что ей следует перебраться в маленькую уютную квартиру в Сиднее, под зоркий присмотр Бетси». Сонси невольно передернула плечами.

– Сью, дорогая, тебе нужен еще один джемпер? Пересядь поближе к огню. – Взгляд Бетси был прикован к ней.

Сонси покраснела, улыбнулась и покачала головой.

– Мой новый кашемировый такой уютный, я его обожаю. Это, конечно, мотовство, и все же, – самодовольно обронила Бетси, поглаживая мягкий розовый рукав. – Сью, я же вижу, как ты дрожишь, тебе должно быть... Кристофер, думаю, Сью замерзла. Помоги ей пересесть ближе к камину... Сью, у нас принято говорить

прямо и открыто. Не правда ли, Крис? Мы народ простой, без церемоний. Стоит этим мальчишкам вернуться в родные пенаты, и нам, женщинам, приходится самим заботиться о себе, – захихикала Бетси.

Кейт охватило тоскливое чувство безнадежности.

– Слушай, Сонси, – сказала она вставая, – давай-ка займемся грязной посудой.

Сонси тут же вскочила. Слава богу, Кейт пришла на помощь. Сонси с радостью согласилась бы на все, лишь бы сбежать подальше от цепкого взгляда Бетси.

– Ладно! – проворчал Крис, тяжело поднимаясь. – Я знал, что долго это не продлится, – слишком уж хорошо все начиналось. Идем, Джереми.

– Эй, мальчики, ни с места! – игриво воскликнула Бетси. – Я помогу девочкам. – Она проворно встала и мягко толкнула сына обратно на диван. – У тебя был трудный день, тебе нужно отдохнуть. Это женская работа. – Она повернулась к Кейт и лукаво улыбнулась. – Ой-ой-ой! Ну разве я не ужасна? Эти эмансипированные современные девушки пришли бы в ярость... Ну же, не сердись на меня, Кейти. Мы, старые женщины, привыкли заботиться о своих мужчинах. Наверное, мы их слишком балуем. – Бетси нежно похлопала сына по плечу.

– И это прекрасно, мама, – улыбнулся Крис.

«Самодовольный болван», – подумала Сонси. Щеки ее горели. Каждый раз происходит одно и то же: сын с матерью по одну сторону баррикады, а она – по другую. Стоило Бетси появиться рядом, и мужа не узнать.

Кейт смерила Криса долгим взглядом. Он ухмыльнулся в ответ, словно бросал вызов.

– Что ж, Бетси, – улыбнулась она вежливо, – во всяком случае, вы знаете путь к сердцу вашего сына. Но мы с Сонси справимся. Вам лучше остаться здесь и погреться у огня. Мы обо всем позаботимся. А дверь мы закроем – так вам будет уютнее.

Она отвела Сонси на кухню и затворила дверь. Там было холодно. За окном с треснувшими стеклами клубился туман. Кейт повернула кран с горячей водой и, взглянув на Сонси сквозь поднявшийся пар, усмехнулась:

– Это ее взбесит. Если что-то и способно обозлить Бетси, так это когда за нее решают другие. Я буду мыть, а ты вытирай.

Сонси почувствовала, как напряжение, которое не оставляло ее весь вечер, постепенно уходит. С полотенцем в руках, она прислонилась к раковине и принялась наблюдать, как пузырится моющая жидкость в воде.

Со стороны гостиной послышался шум – открылась и закрылась входная дверь, кто-то спустился по задней лестнице. Сонси протерла ладонью запотевшее окно.

– Кто-то вышел? – Кейт заглянула ей через плечо.

– Бетси. Идет в сторону сада, – отозвалась Сонси. – Интересно, что ей там надо?

Кейт цокнула языком.

– О, думаю, это потому, что я предложила ей отдохнуть у камина. А может, она все еще расстроена из-за сцены с Анной. Наверное, хочет немного посидеть в саду и успокоиться. Она всегда так делает. Я забыла... ты ведь не была здесь раньше? У Бетси с детства есть излюбленное местечко в саду. Видишь большую старую яблоню с раскидистыми ветвями? Под ней лежит бревно, служащее скамьей. Смотри, вот ее куртка поблескивает в тумане. Сидит под деревом и общается с природой. Бедняжка! Говорю тебе, Бетси действительно любит сидеть там, но в то же время показывает всем, что она огорчена, понимаешь? Теперь все почувствуют себя виноватыми и в следующий раз попридержат язык.

Сонси с любопытством посмотрела на нее.

– Кейт, ты ведь давно знаешь Бетси и всех остальных, да?

– О, целую вечность: добрых пятнадцать лет. Крис и Джереми подружились еще на первом курсе университета.

– Да, я знаю. Кажется, мы с Бетси не слишком ладим, – нерешительно произнесла Сонси.

Кейт ободряюще ей улыбнулась.

– О, ты увела у Бетси ее дорогого мальчика! Ничего, со временем она привыкнет.

– Если я смогу продержаться так долго, – угрюмо пробормотала Сонси.

– Послушай, – горячо заговорила Кейт, – знаю, Бетси бывает ужасной, но мне всегда от души ее жаль, даже когда она приводит меня в бешенство. Уверена, ты тоже ее пожалеешь, если...

– Пожалее? Ее?

– Да, ведь это в самом деле грустно, Сонси. Бетси вечно хлопочет, ей непременно нужно верховодить, вдобавок она замужем за бедным старым Уилфом – едва ли его можно назвать преуспевающим риелтором, верно? А дети вырастают и покидают дом, женятся...

– Да, но она возвращает их, Кейт! Посмотри на Анну. Снова дома, с мамочкой. А прошло всего-то полтора года! – Сонси хмуро взглянула на вилку, которую держала в руке, и принялась без всякой надобности тереть ее полотенцем. – Ты не знаешь, какая она ужасная, даже не представляешь себе. Она не хотела, чтобы Анна вышла замуж за Дэмиена, и была против, чтобы Крис женился на мне.

– Сонси, это же глупо... – машинально начала Кейт, но, подняв глаза от посуды, вдруг осеклась.

Сонси дрожала. Ее хорошенькое личико с детской челкой пылало, а в больших синих глазах блестели слезы.

– Сонси, ты ведь не думаешь, будто и вправду есть опасность, что Крис...

– Ты же видела его там, в гостиной, Кейт. Ты видела, как он...

– О да, да, но это был всего лишь мелкий...

– Конечно, пустяк, Кейт. Я знаю. Наверное, тебе это кажется нелепым. Но Бетси пугает меня и смущает. Она будто говорит Крису:

«Смотри, ей здесь не место. Эта женщина недостаточно хороша для тебя. Она глупая, неотесанная, да и не нашего круга».

Кейт стало совестно. В сущности, она неплохо относилась к малышке Сонси, но ее всегда занимал вопрос: почему Крис, такой важный и самодовольный в последнее время, выбрал эту наивную беспомощную женщину, которая без мужа и шагу ступить не может?

– Ох, Сонси, я уверена: даже будь это правдой, Крис не обращает... – Кейт всплеснула рукой в мокрой резиновой перчатке и порывисто сжала ладонь Сонси, обдав ее водой и мыльной пеной, но тотчас же отдернула руку. – Ой, извини.

– В том-то и дело, Кейт, что Крис все замечает, – ты это видела. Стоит им встретиться, и все меняется к худшему. А потом, когда мы снова остаемся вдвоем, проходит целая вечность, прежде чем мне удастся привести его в чувство. Она все портит. А теперь... я просто не знаю, что делать.

По щекам Сонси покатались слезы, и она вытерла их полотенцем.

– Сонси, я попрошу Джереми поговорить с Крисом и узнать...

– Нет-нет, пожалуйста! Мне не следовало ничего говорить, напрасно я это сделала, – запричитала Сонси и расплакалась. – О, пожалуйста! Крис так рассердится... Я этого не вынесу! Правда не нужно, ради бога...

– Ладно, ладно. Не волнуйся, я ничего никому не скажу.

Кейт обняла Сонси за плечи, уже не обращая внимания на мокрые руки и подумала: «Боже, это ужасно!» Кейт чувствовала, как дрожит Сонси, и в ней вспыхнула злость на самодовольного Криса. Для чего ему вздумалось приручить эту девочку, а затем безжалостно оттолкнуть и глумиться над ее беспомощностью?

– Крису следовало быть умнее... – начала было она, но Сонси ее оборвала:

– Нет-нет, Крис не виноват. Это я. Я одна во всем виновата. Если бы не его мать... Если бы только она оставила нас в покое! Она теперь днюет и ночует у нас... Даже когда я на ночном дежурстве,

Бетси приезжает и убирает в доме... О, как бы я хотела, чтобы она куда-нибудь уехала. Хоть бы она умерла!

Они смотрели друг на друга, стоя возле раковины, полной остывающей воды. Ветер налетал на яблони, оконная рама жалобно поскрипывала.

Дверь приоткрылась, и показалась голова Джереми.

– Помощь нужна? Или, может, заварить чаю? – С любопытством разглядывая женщин, Джереми вошел в кухню и закрыл за собой дверь.

Кейт перевела взгляд на Сонси: ее нежное личико казалось бледным пятном, лишенным всякого выражения, – опустила глаза и молча принялась вытирать посуду.

– Что случилось с нашей милашкой? – шепнул Джереми, когда они с Кейт пытались бесшумно раздеться в темноте и не задеть ненароком раскладушку Зои, – девочка крепко спала, свернувшись в спальном мешке, словно розовая гусеница в своем коконе. – Она плакалась тебе в жилетку, верно?

– Сонси очень расстроена, бедняжка...

– Чушь! Ты что, рехнулась или совсем размякла? Эта маленькая дурочка... Ох, черт!

– Так тебе и надо. Осторожнее, разбудишь Зои.

– Черт, как больно. Надо же было так по-дурацки поставить кровать! Хуже места не придумаешь. Тут невозможно...

– Она больше никуда не вставала. А Сонси вовсе не дурочка, просто еще очень молода, а Крис ужасно с ней обращается – при пособничестве и подстрекательстве лучшей на свете матери.

– Эта Бетси – тяжелый случай, я всегда так говорил. Но я никак не возьму в толк, зачем Крис женился на этой Сонси. Она беззлобная, милая и очень хорошенькая, но надо же быть такой дурындой! – Джереми улегся в кровать, и та натужно заскрипела. – Господи, за прошедший год эта лежанка стала еще хуже. Знаешь, я в последний

раз согласился приехать сюда. Мало приятного в такой поездке, все это уже изрядно надоело.

– Да, мы совершили ошибку, – отозвалась Кейт, укладываясь рядом с мужем. – У меня мурашки по коже от этого места. Несчастливая малышка Сонси... Бетси превратила ее жизнь в настоящий ад. Из-за нее бедняжка стала какой-то дикой.

– Сонси, Бетси... а как насчет Элис? С виду она совершенно сумасшедшая. Только и говорит, что о яблонях. Старуха просто одержима этим садом. И Анна настоящий комок нервов. Она едва не набросилась на меня, когда я спросил, давно ли видела Дэмиена в последний раз.

– Ради бога, Джереми, они всего несколько месяцев как развелись.

– Знаешь, а ведь это Бетси их разлучила. Даже Крис это признает. Он мало общался с Дэмиеном – и что такая красавица, как Анна, могла найти в этом проходимце, вот чего я никогда не пойму, – но говорит, что Бетси надела на Анну и не отставала до тех пор, пока та не рассталась с мужем.

– Это же и Сонси сказала. Но как Бетси удалось...

– О, напряги воображение, милая. Анну не назовешь железной леди, правда? Она всегда, чуть что не так, бежала к мамочке. Да и все они. Посмотри на мальчишку Родни – идет той же дорожкой. А Бетси его поощряет. Заставляет думать, будто с ними скверно обходятся, а затем старательно возвращает в них недовольство и злость, подпитывает их гнев, так сказать. Эта женщина тот еще фрукт.

– Да, кстати, хочешь яблоко? Бетси оставила каждому по одному, как всегда.

– Нет. Смотреть на них не могу. И пожалуйста, ради бога, не грызи свое. Я не вынесу этого хруста.

– Ладно, я все равно не хочу.

Какое-то время они лежали молча.

– Интересно, что обо всем этом думает Уилф? Он такой тихий. Даже тише обычного. А ведь он агент по продаже недвижимости... Не больно-то он похож на риелтора, верно? – подала голос Кейт.

– Да уж. Если верить Крису, торговля у него идет не особенно бойко. Так, перебивается кое-как. Крис упомянул об этом, потому что Бетси снова затеяла ремонт в доме, а он хотел занять у родителей немного денег. Господи, только представь, каково это – быть женатым на Бетси...

Перед тем как провалиться в сон, Кейт вспомнила, что так и не рассказала Джереми о гневной вспышке Сонси возле раковины с мыльной водой. «Может, так даже лучше. Да, не стоит об этом упоминать. Тем более что такое больше не повторится».

Глава 3

Горькая гниль

– Боже, ну и холод! Форменный колотун. – Джереми кое-как натянул джинсы, и в следующий миг шаловливая ледяная ручонка шлепнула его по пояснице. – Ай! Зои, прекрати! Не делай так больше. Это не смешно.

– Ха-ха-ха! Папочка трусишка, – взвизгнула Зои и радостно закружилась по комнате в восторге от того, что ее хитроумный маневр оказался столь успешным.

– Тихо, Зои! Успокойся. Будь взрослой девочкой, пожалуйста, – взмолилась Кейт.

– Ты не надела ботинки, – отметила Зои.

– Да, я останусь в носках до завтрака, потому что потом мы все обуемя в резиновые сапоги и пойдем собирать яблоки.

– Мои сапоги тоже здесь? Их ведь привезли, правда? – заволновалась Зои.

– Конечно, они здесь. И помни, что я тебе говорила о пиявках вчера вечером. Никогда не выходи из дома без резиновых сапог. Ладно?

– Да. Но, мама...

– Что?

– Где сейчас мои сапожки?

– Дорогая, они где-то лежат. Я найду их после завтрака.

У Зои задрожали губы.

– Они нужны мне сейчас.

– Господи, зачем?

– Я хочу в туалет.

– Зои, дорогая, там нет пиявок. Туалет прямо за задней дверью. А пиявки живут...

– Я знаю, но что, если одна все же спрячется там? Я не хочу, чтобы она меня укусила. – Карие глаза Зои наполнились слезами.

– О, ради бога! – взвыл Джереми. – Смотри, вот твои сапожки, дорогая. Надевай их, и пойдём поскорее из этого холодильника. Кейт, кажется, у тебя перо застряло в волосах.

В холодном воздухе от их дыхания белыми облачками клубился пар, и они спешно приводили себя в порядок. Впереди их ждал торжественный завтрак в загородном доме.

Все семейство Тендер собралось за большим столом в гостиной. Элис, должно быть позавтракав раньше, сидела в своем кресле у огня, который весело трещал, однако почти не давал тепла.

– Не хлопчите из-за нас, Бетси, – слабо запротестовала Кейт, когда на столе перед ней появилась тарелка с овсяной кашей. – Я сама могу...

– Конечно, Кейти, но я намерена баловать вас сегодня. А начиная с завтрашнего дня каждый сможет сам о себе позаботиться, – отозвалась Бетси. – О, да вы только посмотрите на эту большую девочку! Как ей нравится каша! Разве дома вы не едите овсянку, дорогая?

– Едим, – проговорила Зои, ненадолго оторвавшись от тарелки. – Но не такую вкусную, как эта. Дома обыкновенная каша с комками.

«Вероломная маленькая негодница, – свирепо подумала Кейт и попробовала овсянку. – И правда вкусно».

– О, – довольно рассмеялась Бетси, – мои большие мальчики и большая девочка выросли на овсяной кашке своей мамы. Кейти, нужно ее все время помешивать, чтобы добиться густоты нежного крема, а все обычно ставят кашу на огонь и уходят, вот в чем беда.

– Точно, – поддакнул Крис. – Нет ничего хуже каши с комками. Сонси, понаблюдай, как мама будет готовить овсянку завтра утром, и постарайся перенять секреты мастерства.

Сонси заметно смутилась и покраснела.

– В любом случае эта каша ужасно полнит, – вяло протянула Анна и отодвинула тарелку, не съев и половины. – Вообще-то нам не следует ее есть.

Родни смерил сестру презрительным взглядом.

– Ты и так уже похожа на скелет, Анна, – фыркнул он. – Готов поспорить, у тебя эта самая, как ее... анорек... что-то такое.

– Не дразни сестру, Родни, – мягко пожурила сына Бетси. – Быть стройной – часть ее работы, ты ведь знаешь. Люди с анорексией изнуряют себя голодом.

– У дочери одного из моих приятелей по боулингу была эта самая болезнь, – внезапно произнес Уилф, так что все невольно вздрогнули от неожиданности. – Да-да. В конце концов она умерла. Ее кормили через трубку. Берт говорил, у нее так торчали кости, что, казалось, вот-вот порвут кожу. Это убило его жену. Вскоре после смерти дочери она скончалась. Сердечный приступ. – Уилф вернулся к своей овсянке.

За столом повисла тишина.

– Какая ужасная тема для разговора! – опомнившись, визгливо воскликнула Бетси. – Давайте поторопимся, нас ждет работа. Мы начнем сбор яблок, как всегда, с дальней части сада и будем двигаться в сторону дома. Тетя Элис позаботилась, чтобы траву скосили, так что в этом году у нас не будет неприятностей с пиявками, но помните: если вдруг такое все же случится, у меня всегда под рукой соль и йод...

– Мы знаем, мама! – перебила ее Анна.

– Что ж, это хорошо, но, помнится, в прошлом году... мм... – Бетси нерешительно осеклась. Казалось, в кои-то веки она прикусила язык.

– Да, Дэмиен едва не описался от страха, – грубо хохотнул Родни и скривился от отвращения. – А ведь это была всего лишь маленькая пиявочка.

– Родни! – резко одернула сына взволнованная Бетси.

– Помню, он сидел вон там, на траве, ждал, пока ты придешь с солью и снимешь пиявку. Он был белый от ужаса. Совершенно

белый. И все просил не жалеть йода для его крошечной ранки. Я никогда еще не видел, чтобы кто-то так испугался какой-то несчастной пиявки...

– Родни, довольно.

– Знаешь, мама, ты можешь не бояться произносить имя Дэмиена, – холодно заметила Анна. – Он ведь не дьявол, в конце концов. – Она посмотрела на брата, сидевшего напротив с самодовольной ухмылкой. – Дэмиен терпеть не может ползучих скользких тварей, и что с того? Многие их не выносят.

– О да, я уж точно, – торопливо заговорила Кейт, явственно ощущая, как тельце Зои покрывается мурашками.

– Девчонкам это простительно, – снисходительно бросил Родни. – Но мужчины – другое дело. Так ведут себя только гомики и трусы.

– Родни! – вскричала Бетси. – Не забывай, пожалуйста, где ты находишься и кто тебя слушает. – Она выразительно повела глазами в сторону Зои.

Анна с неприязнью задержала взгляд на раскрасневшемся лице брата.

– Ты в жизни не встречал настоящих мужчин. У них есть мозги, и они не похожи на мясистых громил, чему бы вас ни учили в твоей дурацкой школе.

– Родни, – вмешалась Бетси, стремясь предупредить запальчивый ответ сына, – ты уже позавтракал. Быстро одевайся и выходи. Принесешь сумки из гаража. Давай, живо!

Родни скорчил недовольную гримасу, но послушался. Схватив яблоко из большой вазы в центре стола, он направился к задней двери, где его уже дожидались резиновые сапоги и куртка.

– Родни! – раздался окрик Элис. Нахмурившись, она повернулась в его сторону. – Не забудь, дружок, деревья опрысканы. На яблоках в саду может быть яд. Не вздумай их есть. Слышишь?

– Да, тетя Элис, – промямлил Родни, заливаясь краской. Он показал яблоко, взятое из вазы. – А это можно?

– Разумеется! – раздраженно буркнула Элис. – В доме можешь есть любые фрукты. Я их сама собирала. Только я знаю, какие из деревьев опрыскивали, а какие нет. Просто ешь яблоки из большой вазы, и все будет в порядке. А будешь есть с деревьев, тебе придется туго. – Она снова повернулась к огню, посмеиваясь про себя.

Крис и Анна с улыбкой переглянулись, когда Родни исчез за дверь.

– Мама, – горячо зашептала Зои, – мама, что она сказала?

– Тетя Элис сказала, что нельзя есть яблоки с деревьев, потому что они могут быть ядовитыми. Я объясню тебе, когда мы выйдем из дома, – растерянно отозвалась Кейт.

– Да! – громко объявила Бетси. – Пора выдвигаться.

Она надела элегантную бледно-голубую куртку и блестящие черные резиновые сапоги и вышла на улицу. Остальные последовали ее примеру. Туман белым облаком окутывал гараж неподалеку и яблони по другую сторону лужайки. Все сбились в кучу, щурясь на солнце и тяжело дыша на резком холоде.

– Родни приготовил для вас стремянки и выдаст каждому по сумке, – продолжала командовать Бетси. – Мы поставим контейнер между первым и вторым рядом, так что вам не придется каждый раз далеко ходить. О боже, надеюсь, погода наладится.

– Ничего, скоро туман рассеется, – весело пообещал Крис. – Ну, идем, что ли?

– Бетси, на яблоках действительно столько химикатов, что это может быть опасно? – нервно спросила Кейт.

– Кейти... и все, все послушайте! Я думаю, и вправду будет лучше не есть яблоки с деревьев в этом году. Помню, мы всегда подшучивали над тетушкой Элис, когда она говорила...

– Она просто не хочет, чтобы мы ели ее драгоценные яблоки, мама, – усмехнулся Крис. – Ты ведь знаешь. Тетя Элис думает, что мы съедаем больше, чем собираем. В это время года никто не опрыскивает яблони. А если она и впрямь это сделала, кто у нас примет яблоки?

Бетси заметно смутилась:

– Я позвоню на завод и спрошу, как следует поступить. Уверена, у них должна быть какая-то система контроля. А пока давайте просто соберем урожай. Послушай, Крис, я знаю, это прозвучит странно, но на сей раз, возможно, тетя Элис в самом деле опрыскала деревья. В последнее время она очень увлечена этим. В кладовой полным-полно всевозможных бутылок и банок с ядом. Я не хочу, чтобы кто-то отравился. Так что давайте есть яблоки из большой вазы, как сказала тетя Элис, ладно?

Все согласно закивали и разошлись.

– Послушай, Зои, ты ведь помнишь про яблоки, правда? – сказала Кейт, пробираясь вместе с дочерью сквозь высокую ярко-зеленую траву позади дома.

– Да, но это нечестно, – сердито пожаловалась Зои. – Неинтересно, когда нельзя есть яблоки. А на деревьях они лучше, чем в большой вазе.

– Я с тобой полностью согласен, – проворчал Джереми. – Боже, ледяные пиявки, ядовитые яблоки, чокнутые старухи. Ну и выходные!

– А что такое «чокнутые»?..

– Ничего. Бежим вон к тем деревьям. Я тебя обгоню.

Впереди, метрах в пятидесяти, яблони выстроились в одну линию. Красные шары на ветвях светились в тумане словно фонарики. Кейт медленно брела следом за мужем и дочерью. В этом году все казалось странным. Сбор яблок отошел на второй план, его вытеснили другие события. С незапамятных времен они с Джереми каждую осень приезжали к Тендерам на ежегодный праздник, который всегда проходил дружно и весело, несмотря на властность неизменно приветливой, приторно сладкой Бетси.

Но в этом году Кейт уже не чувствовала себя частью команды. Они с Джереми и Зои казались здесь чужими, невзирая на все ободряющие речи и заверения Бетси. «Тендеры увязли в своих бесчисленных проблемах, и меньше всего на свете им нужна

публика, – подумала Кейт. – А ведь скоро приедут Джилл и Ник. И еще Берди. Боже, только такая идиотка, как я, могла пригласить сюда Берди! Что она подумает обо всем этом? О, Берди справится. Как всегда».

– Сюда, мама! – Зои восторженно прыгала среди деревьев, ее куртка алым пятном светилась в тумане. – Здесь чудесно!

Кейт прибавила шагу и, догнав Джереми с Зои, почувствовала, как бывало из года в год, что вновь околдована яблоневым садом: его тишиной и покоем, запахом влажной земли и старой коры, мокрых листьев и спелых плодов. Ее черные сапоги блестели в сырой траве, короткой и жесткой между деревьями, где прошлась косилка, и густой, темно-зеленой вокруг стволов и под низкими ветвями.

В глубине сада их ждал Родни с желтыми полотняными сумками. Стремянки уже расставили по местам, а посреди второго ряда разинул свою пасть пустой контейнер.

– Хорошо, – произнес Родни начальственным тоном, когда Кейт, Джереми и Зои подошли к нему. – Вы первые, так что можете приступать оттуда. – Он указал на дальнее дерево, возле которого стояли две стремянки.

Кейт с мужем взобрались на них и начали срывать яблоки: поворот – рывок, поворот – рывок. Зои бродила вокруг нижних ветвей. Работа шла ритмично. Желтые сумки быстро наполнялись. Джереми и Кейт не разговаривали между собой и слышали, как остальные где-то рядом карабкаются по лестницам и берутся за дело: как тихо вскрикивает Сонси, боясь потерять равновесие, когда тянется к дальней ветке, и как грубо хохочет Родни. Но туман заглушал звуки, шум голосов доносился до них словно сквозь бархатный занавес. Лишь хриплое сорочье стрекотание пронзало пелену тумана и достигало их ушей.

Джереми взял сумку Кейт и пошел к контейнеру сыпать яблоки. Вернувшись, сообщил, что Ник и Джилл уже прибыли и сразу отправились в сад.

– Мама, мама, можно я пойду поздороваюсь с Джилл? Можно? – начала упрашивать Зои.

– Хорошо, дорогая, – согласилась Кейт, – но не отрывай ее от работы и возвращайся поскорее. Мы увидимся с Ником и Джилл за чаем.

Зои стянула с плеч лямки сумки и побежала вприпрыжку к контейнеру, поскальзываясь на влажной траве. Девочка обожала Ника и Джилл.

К тому времени как Бетси позвала всех пить чай, туман рассеялся и выглянуло солнце. Сборщики яблок расположились на траве позади дома, где Бетси расстелила пледы и расставила тарелки с песочным печеньем и кружки с чаем.

– Привет, приятель!

Ник улыбнулся Джереми, прикрывая глаза ладонью от солнца. Его светло-каштановые волосы и борода поблескивали в бледных утренних лучах. Обыкновенный, внешне ничем не примечательный, с полным веснушчатым лицом, носом с горбинкой и умными ореховыми глазами, которые в эту минуту светились от удовольствия, он всегда излучал доброжелательность. Джилл, высокая, одетая пестро, как попугай, опустилась на колени рядом с ним. Пышную огненно-рыжую гриву с трудом удерживали на затылке два причудливых гребня в форме стрекоз. Где она их только раздобыла? Надо думать, яркие, экзотические наряды не соответствовали строгой обстановке издательства «Пинкис», выпускающего в основном эксклюзивные книги.

Кейт поцеловала Джилл.

– Как дела?

– О, как всегда, сплошное безумие. Я так рада, что сбежала. А моя главная книга... хм... не важно. – Джилл смущенно запнулась и сменила тему: – А ты как? Расскажи лучше о себе.

– Вечная гонка, как обычно. Мне не следовало сюда ехать. На всех моих авторов что-то нашло. Каждый год одно и то же. Так что с

твоей главной книгой? Ты...

– О, забудь, ради бога, Кейти, – протянул Джереми. – У вас ведь, кажется, выходные. Так успокойтесь, отдохните в кои-то веки.

– Только не говори, что Кейт помешалась на работе, как Джилл, – то ли в шутку, то ли всерьез заметил Ник, повернувшись к Джереми.

– Не болтай ерунды! – огрызнулась Джилл. – Ты считаешь психом каждого, кто честно отрабатывает свой хлеб за столом в конторе. И только потому, что сам работаешь по свободному графику...

– Да и Джереми лучше бы попридержал язык, – ввернула Кейт. – Стоит ему встретиться с коллегами – все разговоры исключительно о работе. А когда он занят какой-нибудь серьезной темой, я целыми днями слушаю его треп об этом. Так что кто бы говорил!

– Ладно, ладно, не кипятитесь, – усмехнулся Джереми. – Работайте до изнеможения, если вам так хочется. Только избавьте нас от подробностей...

Все рассмеялись, и напряжение тотчас спало. Какое-то время они молча пили чай, подставляя лицо теплым лучам.

– Ну, как поживают наши работники? – подседа к ним сияющая Бетси.

– Прекрасно, – улыбнулась в ответ Кейт. – Какое чудесное утро.

– Да, нам повезло.

Элис повернулась в их сторону и покосилась на Бетси.

– Бет! – отрывисто буркнула она. – Ты сказала тем, кто приехал позже, насчет яблок?

– Насчет яблок?.. – Бетси недоуменно нахмурилась.

– Насчет яда!

– А-а... да, тетя Элис. Я всех предупредила. – Бетси смущенно посмотрела на Ника и Джилл.

Те, улыбаясь, кивнули старухе.

– Что ж, хорошо, – усмехнулась, сверкнув зубами, Элис.

– Вы сами опрыскиваете деревья, Элис? – простодушно поинтересовался Ник. – Работа нелегкая.

– Ну... иногда приходится. Но в течение года я обычно приглашаю рабочих с трактором. У них есть все необходимое – маски и тому подобное. Главное, чтобы инсектицид не попал на кожу, знаете ли. Это все равно что проглотить яд – некоторые из этих средств очень опасны. Так что теперь я стараюсь не браться за такую работу.

– А я и не подозревала, что препараты, которыми пользуются в наше время, так ядовиты, – проговорила Джилл.

– О, можете мне поверить, они по-настоящему опасны. По крайней мере, в первые несколько недель после опрыскивания. У меня тут целая кладовая, полная бутылок с отравой, которая в два счета отправит вас на тот свет, если вы сделаете глоточек, – захихикала Элис.

– Кладовая? Это часть ванной, отделенная перегородкой? – с любопытством спросила Джилл.

– Да, прямо возле кухни. Удобно, правда? Для непрошенных гостей. – На этот раз Элис захохотала в голос, и Джилл засмеялась вместе с ней – впрочем, немного неуверенно.

– Ты поддразниваешь Джилли, верно, тетя Элис? – кисло улыбнулась Бетси.

– А я вовсе не думаю, что Элис шутит, – с ухмылкой возразил Ник. – Продолжайте, Элис, расскажите нам, несчастным обывателям, что вы там держите и зачем.

Элис смерила его снисходительным взглядом.

– Если начну перечислять, мы до вечера не управимся, дружок, а нам еще яблоки собирать. Вернее сказать, вам. К тому же названия ни о чем тебе не скажут, разве что некоторые. К примеру, плодожорка яблоневая; думаю, все о ней слышали? Личинки вгрызаются в плод, и вы находите в яблоке червяка. Как только опадет цвет, нужно опрыскать яблоню азинфос-метилом, а затем повторять каждые две недели или около того, вплоть до сбора урожая.

– Господи боже, Элис, неужели так часто? – невольно заинтересовался Джереми. – И этот самый азинфос – сильный яд?

– Говорю вам: все эти препараты ядовиты. Другая напасть в наших краях – горькая гниль, это вроде болезни, сущее проклятие. Грибок. На яблоке появляется бурое пятно, а мякоть под ним гниет. Смотреть страшно. В этом случае деревья опрыскивают, как только завяжутся плоды, а потом все время, пока стоит жара. Вдобавок есть еще парша...

Ник, сдаваясь, поднял руки:

– Боже, Элис! Плодожорка, горькая гниль, парша – похоже на имена злодеев в какой-нибудь пьесе времен короля Якова. И средства от всех этих недугов хранятся в вашей кладовой?

– Конечно. Хотя нет: пожалуй, тут я соврала. Большую часть химикатов я покупаю каждый год, а в кладовой хранятся остатки. Чего добру пропадать? В хозяйстве пригодится. – Элис широко улыбнулась; разговор определенно доставлял ей удовольствие. – Например, на верхней полке стоит маленькая бутылочка темного стекла. Это тиофос. Гениальное изобретение, отличный пестицид. Добавить одну чайную ложку тебе в чашку или пролить на ладонь – и с тобой покончено. Есть у меня немного фентиона и азинфос-метила, о котором я вам говорила, и дуст, а потом еще гербициды...

Кейт с подозрением уставилась на свою кружку. Чай вдруг показался ей горьким. Она поймала взгляд Бетси и смущенно покраснела.

– Какая ужасная тема, тетя Элис, – нервно пробормотала Бетси. – Может, нам стоит допить чай и вернуться к работе?

– Ну да, ладно... – Элис с довольным видом потянулась.

– У вас столько работы, Элис, – озабоченно произнесла Джилл. – Как вы справляетесь одна?

– Я всегда твержу ей это, – с готовностью подхватила Бетси. – Я боюсь за нее, ведь она может упасть и сломать бедро, или в доме что-нибудь случится, а никто даже не узнает.

– О, я уже говорила, что приглашаю к себе помощников, когда это нужно, – отрезала Элис, обращаясь к Джилл и намеренно не замечая

Бетси. – Но я неплохо справляюсь и одна. К тому же Тереза Салливан часто навещает меня... – Старушка лукаво прищурилась.

– Та женщина, что живет через дорогу? – с любопытством спросила Анна. – Папа встретил ее вчера.

– Правда? – Элис насмешливо фыркнула. – Да, Тереза заходит ко мне. Она заметит, если я вдруг не выйду во двор. – Элис слегка повысила голос, но по-прежнему не удостоила Бетси взглядом. – Я дала ей ключ от дома, чтобы она смогла войти, если ее что-нибудь встревожит.

– Тетя Элис! Ты дала этой Терезе ключ? Но разумно ли это, дорогая? Ты ведь едва ее знаешь, – взвизгнула Бетси, вне себя от досады.

– Я знаю ее так же хорошо, как и любого здесь, – резко возразила Элис. – Все старики умерли или переехали. Теперь бóльшую часть времени на улицах ни души, заброшенные дома пустуют. Их скупил горожане для летнего отдыха, а сами почти не появляются здесь. А Тереза дала мне свой ключ – он висит на гвоздике рядом с телефоном. Так что мы можем ограбить друг дружку или даже убить во сне, верно, Бет? Если нам вздумается. – Пожилая женщина повернулась к племяннице спиной.

Бетси тяжело вздохнула.

– Я не это хотела сказать... – беспомощно начала она, но тут же оборвала себя, пожав плечами.

– Тетя Бетси!

Бетси невольно вздрогнула.

– А, Зои, я не видела, что ты здесь. Ты что-то хотела, дорогая?

– Можно мне посидеть на вашем любимом месте?

Лицо Бетси смягчилось.

– Конечно. Спасибо, что спросила. Ты славная вежливая девочка. Вот, возьми еще печенья и устрой себе маленький пикник под деревом. Можешь сидеть там в любое время, когда захочешь. Помнишь, я говорила тебе еще в прошлом году?

– Да, – важно кивнула Зои и взяла печенье. – Спасибо.

Она вприпрыжку побежала в сад. Остальные смотрели ей вслед. Вот она повернула направо и пригнула голову, чтобы пролезть под раскидистыми ветвями дерева Бетси.

– О, ребенком я часто пряталась там, – тихо пробормотала Бетси. – Под яблоней так тихо и зелено. Чувствуешь себя одной в целом мире. И если тебя что-то тревожит, понимаешь, что все не так плохо, как казалось.

Кейт задумчиво посмотрела на нее. На ярком солнце стали вдруг особенно заметны мелкие морщинки в уголках губ Бетси, а глаза, всегда излучавшие живость, затуманились.

– Вы и сейчас частенько сидите там? – мягко заметила Кейт.

– Да, – печально улыбнулась Бетси. – Старые привычки живут долго. Ну... – В ее глазах снова вспыхнул огонек. – Пора приниматься за дело. – Она начала собирать тарелки и кружки.

– Ладно, мама. Мы сейчас вернемся к работе. Только дай нам пять минут, – лениво протянул Крис. – Не волнуйся.

Бетси снисходительно улыбнулась сыну.

– Пять минут, Кристофер. – И с нагруженным подносом бодро зашагала к дому.

Кейт растянулась на пледе и закрыла глаза. Розовый свет проникал сквозь сомкнутые веки. Она хотела снова испытать приятную расслабленность, что разливалась по ее телу до появления Бетси, но не смогла. Кейт все отчетливее сознавала: что-то не так. В прошлом году всеобщее напряжение и неловкость вызвал приезд Дэмиена. А в этом? «Старую братию» разъедало изнутри нечто скрытое, вроде горькой гнили, о которой говорила Элис. Маленькие бурые пятнышки едва заметны на розовой коже, а мякоть под ними уже гниет. Возможно, помогло бы опрыскивание... Кейт невольно усмехнулась, дрожащая розовая дымка перед глазами навевала сон.

– Эй, смотрите, кого я встретила!

Громкий голос Бетси вывел ее из дремы. Кейт резко села с чувством неясной вины. Сощурившись, она увидела две

приближающиеся фигуры. Бетси казалась невероятно высокой и элегантной по сравнению с маленькой, неряшливого вида женщиной, семенившей рядом.

– Итак, – радостно объявила Бетси, – теперь все в сборе. Принимай гостью, Кейт.

Несмотря на веселое радушие, Бетси выглядела немного обескураженной: новоприбывшая явно не принадлежала к сливкам общества. Густые каштановые кудри окружали ее маленькое заостренное личико. Странного золотистого цвета глаза смотрели пронзительно сквозь стекла огромных очков в черепаховой оправе. Руки засунуты глубоко в карманы куцега шерстяного пальтишки, которое явно знавало лучшие времена. Заметив, что вся рассеянная на траве компания смотрит на нее, она улыбнулась и выжидающе прищурилась.

– Привет, Берди, – сказала Кейт.

Глава 4

Бетси всем желает добра

Когда работа в саду закончилась, солнце уже садилось и в долинах начинал сгущаться туман.

Деревья, освобожденные от плодов, успели немного выпрямиться. Контейнер был до краев наполнен яблоками, которые теперь выглядели буднично, лишившись того волшебного сияния, что окружало их среди ветвей.

В сумерках усталые сборщики возвращались домой.

– О, мои руки! Они совсем отнялись, висят как плети, – простонала Джилл. – И колени подгибаются.

– Ты стареешь, Джилли, – поддел ее Родни. – Говоришь, тебе плохо! А завтра утром будет еще хуже.

– Спасибо, Родни. Ты меня утешил, – снисходительно бросила Джилл.

Они пересекли лужайку и гуськом поднялись по задней лестнице. Дверь распахнулась, в проеме показалось лицо Бетси.

– Сапоги оставляйте на крыльце, это всех касается. Чай уже дожидается вас.

– О, слава богу, – пробормотала Кейт и, с трудом сбросив сапоги с одеревеневших ног, прошла вслед за остальными в гостиную.

Яркий огонь в камине ослепил ее, она на мгновение замерла, щурясь на свет. Румяная Зои, в халатике и тапочках, торжественно восседала на диване рядом с Элис. Обе синхронно оторвались от настольной игры «Змеи и лестницы» и повернули головы в сторону тех, кто нарушил их покой.

Кейт стянула куртку и подошла к дочери.

– Кажется, ты неплохо проводишь время, дорогая.

– Да, – довольно кивнула Зои. – Я приняла душ и выпила стакан лимонада, а тетя Элис показала мне все смертельные яды, о которых

рассказывала сегодня утром. А позже она найдет свой игрушечный поезд и Ноев ковчег. Мама, я выиграла два кона из трех. Тете Элис все время попадаются змейки.

– Да, нынче вечером мне не везет, – согласилась Элис. – Одна неудача за другой.

– Зои, ты ведь знаешь, что нельзя трогать бутылки в кладовой? – встревожилась Кейт. – По правде сказать, мне не нравится, что ты...

– Мама!

– Малышка заинтересовалась, – принялась оправдываться Элис. – Она знает, что бутылки трогать нельзя, верно, милая?

Зои кивнула и с важностью произнесла:

– Только в резиновых перчатках – так вы сказали. Вы говорили, что, когда были в моем возрасте...

– Ну да, но с тех пор многое изменилось, – поспешно вмешалась Элис, бросив виноватый взгляд на Кейт.

Зои посмотрела на мать.

– У тебя такой смешной вид, мама, – заговорила она, явно желая сменить тему. – Нос совсем красный.

– Ты от меня так просто не отделаешься, хоть у меня и красный нос. Так и знай. Я надрывалась на холоде, пока ты здесь принимала горячий душ и поджаривала пятки у камина.

– Ты сама велела мне идти в дом вместе с тетей Элис! – возмущенно воскликнула Зои. – А тетя Бетси принимала душ еще перед вечерним чаем. И она говорит...

– Ну конечно, дорогая, я же пошутила. Но помни, что я тебе говорила, и держись подальше от этой кладовой. Ладно? Хорошо, мне нужно занять очередь в ванную. Увидимся позже.

Разработанная Бетси система приема душа была настоящим организационным шедевром. Она позволяла растянуть скудные запасы горячей воды, чтобы все сборщики смогли освежиться перед ужином. По гениальному замыслу Бетси, в ванной одновременно всегда находились два или три человека. Пока один принимал душ (ровно три минуты по кухонным часам), двое других раздевались и

ждали своей очереди, дрожа от холода и переминаясь с ноги на ногу на ледяном полу. Из кухни за стеной раздавался окрик Бетси, и счастливец в облаках пара неохотно выходил из-под драгоценных водяных струй, а его место в душевой кабине занимал следующий. Бетси придерживалась консервативных взглядов на совместное купание мужчин и женщин, а потому устанавливалась строгая очередность. Вначале шли «девочки», затем «мальчики», а переходным звеном в цепи, своего рода мостом между полами, служила какая-нибудь супружеская пара.

Джереми отказывался участвовать в этой «смехотворной затее», как он назвал систему Бетси. К досаде Кейт, до самого отъезда он ходил немытым, и это его нисколько не заботило. Бетси не догадывалась, что он выступает против ее системы, и, наверное, думала, будто Джереми и дома никогда не моется, однако молчала на этот счет. Бетси давно усвоила, что Джереми лучше не трогать.

Кейт взяла все необходимое для душа и поплелась на кухню. Бетси хлопотала над кастрюлями – готовила ужин. Она порозовела, выглядела свежей и бодрой, от нее исходил легкий аромат жасмина. Бетси принимала душ днем, когда оставалась в доме одна, «чтобы сборщикам потом хватило горячей воды», как она обычно объясняла. Анна стояла у двери в ванную, прислонившись к косяку, и смотрела прямо перед собой, погруженная в свои мысли.

Слышался шум льющейся воды. Берди пошла в душ первой, пользуясь привилегией новичка. Должно быть, Джилл уже вошла в ванную и дожидалась своей очереди. Кейт встала за Анной.

– По-моему, это уже за гранью, – проворчала Анна. – Похоже, мама никак не смирится с мыслью, что мы давно не дети.

– Но ведь горячей воды не хватает, – примирительно заметила Кейт. – Вот и приходится отмерять время.

– Это только предлог. Мы могли бы быстро принять душ без всей этой ерунды. Просто мама обожает командовать и обращается с нами как с маленькими.

Кейт посмотрела на Анну. Та недовольно насупилась, выпятив нижнюю губу, на лице застыла обиженная гримаса. «Сейчас она очень похожа на Родни. Да и на Криса тоже», – подумала Кейт. Ей случалось наблюдать точно такое же выражение на лицах братьев, когда все шло не так, как им хотелось. Кейт всегда называла его про себя «гримасой капризного ребенка». Но Анну она никогда прежде такой не видела. И зрелище было не из приятных.

– Анна! – вывел Кейт из задумчивости возглас Бетси. – Анна, быстрее, твоя очередь готовиться. Поторопись, дорогая, разве ты не слышала, как я тебя окликнула? Воды не хватит, если все не...

Угрюмое выражение на лице Анны сменилось виноватой покорностью.

– Ладно, ладно, мама, – пробормотала она и скрылась за дверью ванной.

Старая дверь захлопнулась, выпустив в кухню облачко пара. Бетси лучезарно улыбнулась Кейт и отошла от двери, ее взгляд машинально метнулся к часам на холодильнике. Не следовало давать Джилл времени больше положенного.

Кейт заняла место Анны у двери, чувствуя себя довольно глупо. К ней робко, бочком подступила Сонси в красном халате. В руках она сжимала пеструю сумочку с туалетными принадлежностями и розовое полотенце.

– Я за тобой, – сказала она. – Кто там сейчас?

– Насколько я понимаю, Берди, Джилл и Анна, – устало отозвалась Кейт. – Берди одевается, Джилл под душем, Анна раздевается. Полный комплект.

Они стояли рядом и неловко молчали, привалившись спинами к стене.

– Красивый халатик, Сонси. Приятный цвет. И пуговицы такие хорошенькие, – попыталась заполнить тягостную паузу Кейт.

– Да, он был... – начала Сонси, но внезапно осеклась – из ванной раздался пронзительный вопль.

Кейт поспешно отскочила от двери – кто-то с силой заколотил в нее изнутри. Послышались крики и стук, после чего наступила тишина. Дверь отворилась, в щель высунулась голова Берди. Без очков ее лицо казалось беззащитным. Она близоруко прищурилась, взгляд скользнул по перепуганной толпе, сбежавшейся со всех концов дома.

– Ничего страшного. Анна нашла пиявку у себя на ноге и немного испугалась. Теперь все в порядке.

– Только и всего? – проревел Родни. – Я уж решил, что в дом забрался кровавый маньяк или что-то в этом роде. Господи, сколько шума!

Бетси бросилась к двери:

– Только не трогай ее, Анна, ни в коем случае! Я сейчас принесу йод. И пусть кто-нибудь выключит душ.

Дверь широко распахнулась, обдав всех волной теплого воздуха и клубами пара. Вышла Берди, ведя за собой Анну, бледную, как ее кремовый купальный халат. Она прихрамывала и держалась за голень.

– Пиявка присосалась прямо через носок. Огромная. Наверное, она целую вечность пила мою кровь. Господи, какой ужас! – Анна дрожала и выглядела больной. – Я оторвала ее. Это вышло нечаянно, я не подумала. Теперь ранка не перестает кровоточить.

– Вот глупая девчонка! – в сердцах выпалила Бетси. – Не понимаю, что с тобой творится. Дай осмотрю ногу. Осторожно! Измажешь кровью халат.

– Все хорошо, мама. Правда. Просто дай мне посидеть минутку. – На побледневшем лице глаза Анны казались огромными. Она нетвердой походкой побрела в гостиную.

Бетси выступила вперед.

– Анна! – резко прикрикнула мать. – Постой здесь, на линолеуме, пока я схожу за йодом. Не ходи повсюду, зальешь кровью пол...

Но Уилф отстранил жену в сторону и взял Анну под руку.

– Пойдем к огню. – Он бережно проводил дочь в гостиную, усадил на диван и подставил скамеечку под раненую ногу. – Принеси йод, Родни, – обратился он к сыну. – И еще вату или салфетку.

Родни поискал глазами мать, но не нашел. Опустив голову, он прошел к буфету, достал пузырек с йодом и вату, молча передал все отцу и удалился.

Кейт стояла в притихшей толпе зрителей и наблюдала, как Уилф неуклюже смазывает йодом ранку от укуса. Она ждала, что кто-нибудь словом или действием сгладит неловкость и разрядит обстановку. Но все словно оцепенели. Это было странно, и Кейт ощутила неясную тревогу. Она видела, как Зои и Элис, прервав игру, наблюдают за происходящим. Глаза Зои округлились от любопытства, а Элис... Элис улыбалась! И выглядело это крайне неприятно.

Кейт безотчетно подалась вперед.

– Анна, налить тебе чашку чая?

Джереми рассмеялся.

– Универсальное снадобье Кейт Делейни.

Напряжение внезапно спало. Крис пошел ставить чайник. Анна взяла у отца вату и прижала к ноге. Все снова оживились и, обступив Анну, принялись делиться воспоминаниями об укусах пиявок.

– Спасибо, папа. Теперь все в порядке. – Анна нежно улыбнулась отцу. – Я здорово перепугалась. Вот идиотка.

Уилф потрепал дочь по щеке, что-то пробормотал о срочных делах и побрел в сторону спальни.

Кейт проводила его взглядом и невольно улыбнулась. Повернувшись к Джереми, она хотела ему что-то сказать, но в этот момент увидела Бетси. Та стояла возле входа на кухню и смотрела вслед мужу. На ее лице застыла странная смесь гнева, озабоченности и чего-то еще. Быть может, страха? Кейт впиалась в нее глазами, но Бетси поймала этот взгляд. Необычное выражение тотчас слетело с ее лица, а губы растянулись в улыбке. Но

пронзительные птичьи глаза не улыбались, отчего улыбка вышла фальшивой. Через секунду Бетси скрылась на кухне.

– Что это с тобой, Кейт? – шепнул Джереми, ткнув жену пальцем в бок. – Стоишь и мечтаешь с открытым ртом. Похожа на слабоумную.

Кейт рассеянно взглянула на него. Рядом с Джереми стояла Берди – в одной руке полотенце и несессер, в другой – аккуратно сложенная одежда. Она успела надеть очки. Ее янтарные глаза оживленно блестели, уголки губ насмешливо подрагивали.

– Весьма любопытно, правда, Лейни? Какое преобразование, когда она заметила чей-то взгляд.

Кейт наклонилась к подруге и прошептала:

– Ты тоже видела?

– О да, – невозмутимо отозвалась Берди. – Завораживающая особа. Я не могла оторвать от нее глаз.

– О ком вы говорите? – прошипел Джереми.

– Ш-ш-ш, я тебе позже расскажу, – шикнула на него Кейт. От недавней сцены у нее мурашки поползли по коже. Ведь, если подумать, даже нежная забота Уилфа о дочери, такая трогательная на первый взгляд, выглядела какой-то нарочитой, отталкивающей. И что означало это странное выражение лица Бетси? Чего она боялась? Может, привязанность Уилфа к дочери вызвала у нее ревность? Или ее вывело из себя, что в драматический момент не она, а Уилф оказался в центре внимания?

– Мама! Мама! – Зои повисла у Кейт на руке. – Смотри, что мы нашли.

– Ноев ковчег? – отозвалась Кейт, рассеянно глядя на какой-то хлам, сваленный в старую плетеную корзину для белья.

– Нет, – презрительно фыркнула Зои. – Ты же знаешь, как выглядит ковчег, мама. Мы не смогли его найти, но обнаружили теннисные ракетки и сетку, а еще эти... как их? – Она посмотрела на Элис, ожидая подсказки. – Метательные кольца, да... Но взгляни-ка на это! – Зои с победным видом достала из корзины прелестные

кружевные шаль и митенки черного цвета. – С ними я могу играть в старые времена. Здесь еще веер. Видишь, у перчаток нет пальцев.

– Это чудесно, дорогая. Шаль великолепна, Элис. И митенки. Какая тонкая работа. Возможно, они стоят больших денег. Вы думаете, Зои можно с этим играть...

– Мама! – раздался возмущенный вопль девочки.

– Она будет осторожна, правда, милая? – пробурчала Элис и кивнула Зои.

Та побежала к камину, унося свои трофеи. Элис усмехнулась:

– Чудо, что кружева еще не съела моль в том старом шкафу. Может, они немного порадуют малышку. Вроде бы эти вещи принадлежали тете Джемайме. Где-то должна быть еще одна ее чудесная шаль, тоже черная, с большими красными цветами и бахромой до самого пола. Красота! Обязательно поищу ее. Веселой была моя тетка Джемайма. Да уж...

И Элис побрела к своему креслу у камина, а Кейт отправилась помогать накрывать на стол.

– И две большие ложки для салата, если тебе не трудно, Кейти, – попросила Бетси. – Все почти готово. Можешь заправить салат. – Она постучала в дверь ванной: – Родни! Выходи, время обедать. Ты так и не приняла душ, дорогая, и не переоделась? – озабоченно спросила она Кейт.

– Ничего страшного, Бетси. Ополоснусь перед сном. К тому времени вода уже нагреется, да?

– Да, – с сомнением протянула Бетси. – Просто мне всегда казалось, что перед обедом особенно приятно освежиться. Что ж, по крайней мере... Верити и Джилл успели принять душ, я очень этому рада. Я хочу сказать, они ведь настоящие гости, если ты меня понимаешь. Конечно, Джилл бывала здесь и раньше, но лишь время от времени, и я никогда не считала ее членом семьи, как Ника или как вас с Джереми, дорогая.

Кейт неопределенно хмыкнула и занялась салатом.

– Верити... – Бетси заколебалась и понизила голос: – Ты вроде бы говорила, что вы вместе учились в школе?

– Да, именно так.

Бетси задумчиво кивнула. Казалось, можно было услышать, как ворочаются мысли в ее голове. Кейт улыбнулась про себя, перемешивая салат.

– Очень умная девушка, это сразу видно... в школе училась благодаря стипендии?

– Да, она действительно получила право на стипендию, но...

– О, я ни о чем не спрашиваю, дорогая. Боже упаси! Я не лезу в чужие дела и не собираюсь выяснять ничью подноготную. Хочу сказать, в наши дни мы – те, кем сами себя делаем, не так ли? Просто я знаю, во что обходится обучение в этих школах... Взять, к примеру, школу Родни. Плата бессовестно высокая, просто ужас что такое. Конечно, для некоторых это ничто, но на самом деле...

Бетси продолжала трещать, а Кейт слушала ее вполуха, усмехаясь своим мыслям. Она едва не проговорила, что Берди получила стипендию на обучение в их безумно дорогой школе, но ее отец отказался от субсидии в пользу девочки, чья семья нуждалась в помощи. Вопреки обыкновению, он поступил не как делец. Впрочем, отец Берди всегда отличался непредсказуемостью. В конечном счете Кейт была рада, что ничего не сказала Бетси. Если бы та узнала, что Берди отнюдь не бедная рабочая лошадка, за которую она ее приняла, а дочь весьма богатого и влиятельного человека, чье имя стало нарицательным, по крайней мере в финансовых кругах, она бы из кожи вон лезла, чтобы не ударить в грязь лицом, а Берди это не понравилось бы. Верити Бердвуд прилагала немало усилий, чтобы скрывать свои родственные связи, и если предпочитала зарабатывать на жизнь, подвизаясь на Эй-би-си, хотя получила диплом юриста и могла бы работать адвокатом, если бы не одевалась как нищая студентка и не раздавала на благотворительность солидную долю семейных доходов – это был ее выбор.

Не то чтобы Берди враждовала с отцом, вовсе нет. Она любила его, насколько Кейт могла судить, а тот обожал дочь. Отец Берди был невысоким, непримечательным с виду, и Берди пошла в него. Только большие янтарного цвета глаза достались ей от матери. Та умерла, когда Берди еще училась в школе, но Кейт хорошо помнила эту необычайно красивую женщину. Возможно, Берди думала, что никогда не сможет сравниться с матерью, и потому даже не пыталась «подчеркнуть все достоинства своей внешности», как пишут в женских журналах. Она была странной девочкой. И, наверное, во многих отношениях у нее было трудное детство.

– Кейти, Кейти, ты витаешь в облаках. – Крис щелкнул пальцами у нее перед носом, Кейт растерянно заморгала. – Давай мне салат, и идем обедать. Мы все умираем от голода.

За обедом Бетси весело, оживленно щебетала, Родни вел себя шумно, Ник добродушно шутил, но все остальные казались подавленными. Зои в кружевной черной шали и митенках с удовольствием уплетала спагетти по-болонски, но потом заметно сникла, поклевала салат и безропотно отправилась в постель, не попросив сладкого. «Свежий воздух творит чудеса», – подумала Кейт.

– Все равно у нас сегодня только фруктовый кекс на десерт, – сказала Бетси. – Я собиралась что-нибудь испечь, но со всеми этими волнениями... – Она с улыбкой оглядела всех за столом.

Анна поднялась.

– Ну, поскольку из-за меня все лишились законного сладкого, я принесу кекс и кофе.

– Спасибо, дорогая, – отозвалась Бетси. – Это было бы чудесно.

Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза – всего на минуту, не более, – однако все успели увидеть и осознать, как утомлена Бетси и как самоотверженно трудилась весь день, чтобы все прошло гладко.

Анну кольнуло привычное чувство вины. Крис обеспокоенно нахмурился. Уилф сидел неподвижно, словно жук-палочник,

похожий на сухой сучок. Ник, Джилл, Кейт и Джереми обменялись взглядами.

Сонси, заметив это, испытала знакомое мучительное ощущение – смесь растущего раздражения и отвращения к себе. Как всегда. Какой же низкой и мелочной нужно быть, чтобы обижаться на эту женщину! Сонси вскочила, оттолкнув стул, и неловко пошатнулась, красная от смущения.

– Я тебе помогу, Анна, – пробормотала она и, ни на кого не глядя, пошла на кухню.

– Забавная малышка! – донесся до нее снисходительно-надменный ненавистный голос Бетси.

Кейт сделала глоток кофе и потянулась к своему вышиванию.

– Ты все еще трудишься над тем прелестным узором из диких цветов, Кейти? – спросила Бетси.

– Да, – уныло пробурчала Кейт. – Вряд ли я вообще когда-нибудь его закончу.

– Не представляю, как у тебя хватает терпения, – заметила Джилл. – Ну-ка посмотрим, как далеко ты продвинулась. О, вот этого раньше не было, и здесь тоже новый рисунок. Ты успела вышить порядочный фрагмент, с тех пор как я в последний раз видела твое рукоделие.

– Признаюсь вам, в этом году я тоже взялась за вышивание, – весело объявила Бетси. Она открыла изящную плетеную корзинку и достала настенный коврик с начатой вышивкой. – Кажется, выходит неплохо.

– О да, очень красиво. – Кейт взглянула на канву: рисунок был весьма простой – перевязанный лентой букет весенних цветов в пастельных тонах.

– Очаровательные овальные пальцы продавались вместе с канвой. Думаю, коврик будет чудесно смотреться в холле. Сказать по правде, вышивание доставляет мне огромное удовольствие. Конечно, я лишь новичок, и все же...

– Бетси, что это? Старая шкатулка? Какая прелесть! Где вы ее нашли?

Кейт достала из корзинки для рукоделия изрядно потертую жестяную коробку, на крышке которой были изображены три коалы на эвкалипте и, по своему обыкновению, задумчиво смотревшие вдаль.

– Это моя детская шкатулка для сокровищ, – удивленно отозвалась Бетси, заметно смутившись, и Кейт тотчас пожалела, что заговорила об этом. – Теперь я храню в ней нитки для вышивания.

– А раньше там хранились фотографии и всякие мелочи, да, мама? – ободряюще произнес Родни.

– Верно, сынок. Милая старая шкатулка. Я брала ее с собой в поездки. О, сколько раз я сидела на старом бревне в тайном местечке в саду и перебирала свои сокровища. Я сегодня рассказывала об этом Зои. Она взяла старую коробку из-под обуви, чтобы складывать в нее свои драгоценные вещицы. Тетя Элис не даст соврать.

Элис что-то пробормотала, глядя в огонь.

– Бедная малышка, – сокрушенно покачала головой Бетси. – В наши дни жизнь ребенка так сложна, не правда ли? Простые радости вроде тайных домиков в саду или шкатулок с сокровищами им недоступны. Они растут обделенными. Нынешние матери работают, появились детские сады, и многие семьи живут в центре города. Я хочу сказать, деткам негде, да и некогда, заниматься подобными вещами, верно?

– Ну, не знаю... – Кейт почувствовала, как в ней закипает злость, хотя умом понимала: Бетси делает это в отместку за неоцененную вышивку, так что не стоит обращать на нее внимание.

– Нет, послушай, Кейти. Не то чтобы я винила родителей. Боже упаси! Они должны думать о себе, делать что хочется и жить там, где нравится. Разве не это нам теперь говорят? Почему они должны жертвовать всем ради детей, как мы в свое время? Нынче люди думают иначе. Да. – Бетси со вздохом открыла шкатулку с нитками. –

Те времена прошли, и, наверное, это к лучшему. Но старикам вроде меня, сторонникам былых традиций, трудно к этому привыкнуть, вот и все. В прежние дни дети были на первом месте, так-то вот. – Бетси улыбнулась своим мыслям. – Надеюсь, Крис и Сью не воображают, будто смогут отдать моих внуков в ясли, – игриво продолжила она. – Я им не позволю, так и знайте! Я хоть и старуха, но еще способна присмотреть за малюткой.

Кейт выпрямилась, задышавшись от немой ярости, и посмотрела на мужа. Джереми подмигнул ей и усмехнулся. Она перевела взгляд на Сонси – та стояла опустив голову и теребила край джемпера.

Бетси выбрала розовый моток и безмятежно продела нитку в иголку.

– Джилл, ты, кажется, не увлекаешься рукоделием? – спросила она, стрельнув черными глазами в сторону гостьи.

– О нет, – протянула Джилл своим низким, хрипловатым голосом. – Я безнадежна. Не то что Кейт.

– Какая жалость, дорогая. Это прекрасно помогает снять напряжение. И, как оказалось, здесь нет ничего сложного. Меня всегда пугала одна мысль о вышивании, я ведь видела, каких трудов это стоит Кейт. Но в действительности все довольно просто. Я хочу сказать... ну, Кейт меня понимает.

Кейт кивнула и улыбнулась, готовая вот-вот взорваться.

– Сонси, почему бы тебе не показать свою вышивку, – предложил Крис.

– Это ерунда, там нечего показывать. – Сонси с тревогой, почти с мольбой подняла глаза на мужа.

– Ты ведь захватила ее с собой? Где она?

– Где-то в комнате... я найду ее потом, – чуть слышно проговорила Сонси.

– Не тушуйся, дорогая. Я ведь не стесняюсь! – воскликнула Бетси. – Не знала, что ты занялась вышиванием. Разве это не чудесно? – Она обвела всех сияющим взглядом: «Ну, мальчики,

теперь вы легко поймете, кто в этой комнате заботится о домашнем уюте».

Родни горестно застонал.

Крис вышел из комнаты, не обращая внимания на отчаянные жесты Сонси, которая пыталась его удержать, и вскоре вернулся с большой розовато-лиловой корзинкой с пластмассовыми ручками.

– О, Сью, дорогая! – Бетси удивленно вскинула брови. – Какая... необычная корзинка. Она... очень милая. Где только ты ее отыскала?

Сонси впервые за этот вечер посмотрела Бетси в глаза.

– Ее сделала для меня мама. Когда я начала работать медсестрой.

На этот раз Бетси пришлось прикусить язык. Насмехаться над чьей-то покойной матерью? Это было чересчур даже для Бетси.

Сонси открыла корзинку и достала круглые пяльцы для вышивания с натянутым на них полотном. Кейт придвинулась ближе, чтобы посмотреть, и затаила дыхание. Она ожидала... черт, Кейт и сама не знала, чего ожидала, но только не этого. Изысканная, тончайшая работа: пожилая садовница в соломенной шляпе сидела ранним вечером в саду, среди деревьев, где сливались, перетекая один в другой, все оттенки зеленого, коричневого и золотого. Хрупкие солнечные лучи и лужицы света создавали ощущение глубокого покоя и тишины.

Кейт перевела восхищенный взгляд на Сонси.

– Это изумительно. Просто потрясающе. Настоящее мастерство. Я и не догадывалась...

Сонси смущенно зарделась и слабо улыбнулась.

Крис просиял и объяснил:

– Сонси никому не показывает свои работы. Стеснительная до безумия. Я говорил ей, что она ненормальная. По полгода, а то и по году сидит над проклятыми вышивками, а потом раздает их или уносит в свою больницу. Но эта останется у нас. Сонси обещала.

– Ты никогда мне не рассказывал, Крис! – Бетси вытянула шею, лоб ее прорезала недовольная морщинка. – Не знала, что Сью увлекается вышиванием.

– Ну... – Крис нерешительно замялся. – Сонси не любит об этом говорить...

Глаза Бетси широко раскрылись, взгляд стал жестким. Она подалась вперед и протянула холеную изящную руку к пальцам.

Сонси заколебалась, и Кейт тотчас поняла, откуда взялась ее «стеснительность». Сонси хотела, чтобы в ее жизни осталось хоть что-то неподвластное контролю, не замаранное язвительными насмешками и булавочными уколами свекрови. Но теперь ее вынуждали позволить Бетси коснуться самого сокровенного.

– О! – воскликнула Кейт и проворно выхватила пальцы из рук Сонси, лишь на мгновение опередив Бетси. – Ты только посмотри, Джереми! – Она повернула вышивку к мужу. Безмолвное восхищение Джереми, Ника и Джилл было красноречивее любых похвал.

– Сью, где ты нашла канву с таким рисунком? – спросила Бетси, досадливо хмурясь. – Я не видела в магазинах ничего подобного. Можно мне взглянуть на нитки в наборе? На первый взгляд рисунок кажется сложным, но мне сдается...

– Нет, мама, – рассмеялся Крис, – никакого набора нет. Сонси сама делает рисунки и подбирает цвета.

– А-а, понимаю, – пробормотала Бетси. – Я так и подумала, что это нечто особенное. И все же, Сью, даже если...

– Это замечательно, Сонси! – искренне выпалила Кейт. – Я никогда не видела ничего подобного.

– Кейт милая, великодушная девочка, – произнесла Бетси с теплотой в голосе, но смотрела холодно. – И всегда такой была. Люблю восторженных людей. – Бетси печально опустила голову и с сожалением провела рукой по своему коврику. – Что ж... думаю, я лучше оставлю жалкие потуги и займусь посудой. Похоже, новичкам вроде меня тут не место.

Закусив губу, она небрежно сунула рукоделие в корзинку, а сверху положила шкатулку.

Лицо Криса вытянулось, улыбка сбежала с его губ. Он заметно смутился.

«Несчастный болван», – подумала Кейт, передав пальцы с чудесной вышивкой в нетерпеливые руки Сонси, и та немедленно убрала их в уродливую розовато-лиловую корзинку для шитья. Крис даже не догадывался, с каким непомерным эго имеет дело. Впрочем, его не призовут к ответу. Расплачиваться придется бедняжке Сонси. Кейт вдруг почувствовала, что больше не в силах сдерживаться, подошла к Джереми и схватила за руку.

– Мы помоем посуду, Бетси, – сказала она. – Я настаиваю. Идем, Джереми.

Кейт и Джереми перешептывались на кухне.

– Послушай, Кейт, это просто. Скажи, что у тебя разболелось горло, и мы...

– Джереми, мы не можем! Никто в это не поверит. Бетси безумно оскорбится. Она поймет...

– Ради бога, какое это имеет значение? Наша поездка превратилась в сущий ад. Эта семейка всегда была сумасшедшей... но теперь, похоже, они окончательно слетели с катушек.

– Джереми, мы не можем. А как же яблоки... и Берди?

Он раздраженно швырнул на печь мокрое полотенце.

– Берди сама о себе позаботится. Ты не тащила ее сюда насильно. Вдобавок, кажется, ей здесь нравится. И неудивительно. С нее станется! Эта женщина обожает чужие драмы и скандалы, они для нее как воздух. В ней нет ничего человеческого.

– Это неправда. Она вовсе не такая. Ты всегда...

– Ладно, мне нет дела до Берди. Здесь есть другое полотенце?

– Да, в буфете, на нижней полке.

– Тут есть все, кроме полотенца. – Джереми пошарил рукой наугад в глубине буфета, где лежали грелки, чайник, крышки от молочников, кружевные салфетки и подставки под горячее. Несомненно, их бережно хранила мать Элис, но после ее смерти

всем этим никто не пользовался. Внезапно с одной из полок посыпались на пол потускневшие кольца для салфеток. – Проклятье!

– Какой же ты растяпа, Джереми! Вечно ты как слон в посудной лавке!

Кейт на пару с мужем бросилась собирать кольца, и они со всего маху столкнулись лбами. Джереми вскрикнул и сел на пол, держась обеими руками за голову.

Кейт выпрямилась, чувствуя злость. Дверь на кухню отворилась, и показалась рыжая всклокоченная грива Джилл.

– О, простите! – Глаза ее округлились, брови взметнулись вверх.

– Входи, Джилли, все в порядке. Мы просто пытались нокаутировать друг друга, – отозвалась Кейт. К ней неожиданно вернулось хорошее настроение. Она протянула руку и помогла Джереми подняться.

– Ну вот, еще несколько мозговых клеток отдали концы, – простонал Джереми, потирая лоб. – И без того дело дрянь...

– Я пришла предложить свою помощь, – сказала Джилл. – Хотя, если честно, мне просто стало невмоготу. Жуть какая-то. Что происходит?

– Сам не пойму, – буркнул Джереми. – В любом случае мы, наверное, завтра уедем. Кейт неважно себя чувствует.

– Даже думать не смей, Джереми Дарси. Хочешь уехать и оставить нас с Ником торчать здесь с милой семейкой Тендер? – гневно прошипела Джилл.

– Мы никуда не уедем, Джилл. Конечно, мы остаемся, – спокойно заметила Кейт. – О черт, перчатки порвались. Джилли, я видела в столе упаковку. Достань, пожалуйста.

– Разумеется, мы можем уехать, если ты заболела, Кейти...

Джереми не собирался так легко сдаваться, но прежде, чем он успел продолжить, дверь открылась снова и на кухню проскользнул Ник.

– Что это с тобой, в самом деле, Джилл? Удрала и бросила меня там одного. – Он повернулся к Джереми. – До сих пор Бетси

цеплялась к Сонси и Элис, а теперь накинулась на Анну. Они словно две кошки на раскаленной крыше.

– Понятно, – вздохнула Кейт. – Мы прошли через это вчера вечером. Ужас.

– Когда-нибудь эта женщина доиграется, ее убьют, – угрюмо проворчал Джереми.

– Да, бедняжка Бетси. – Кейт огорченно покачала головой. – Она действительно всем желает добра...

– Ох, Кейти, ты безнадежна. – Джереми смерил жену снисходительным взглядом. – Никому она не желает добра – пошевели мозгами! – а желает только одного: чтобы все плясали под ее дудку.

– И все же мне кажется, ее что-то тревожит, правда, – горячо возразила Кейт. – Сегодня вечером она так странно смотрела на Уилфа... И выглядела испуганной, говорю тебе...

– Ну, он чудной субъект, это уж точно, – протянул Ник, задумчиво поглаживая бородку. – Все эти его истории... нагоняют смертную тоску.

– А Элис? Просто жуть берет! – фыркнула Джилл. – И все же лучше бы Бетси оставила ее в покое. Старуха явно не желает уезжать из своего дома. Ей нравится жить в окружении всей этой рухляди. Хоть она и не знает, где что лежит, Элис утешает мысль, что все рядом, в доме, а остальное ее не волнует. Между прочим, кто хочет сыграть в маджонг?^[6] Хотя я предпочла бы «Скрэббл»^[7], и Элис точно знает, где доска. Я бы вправду не отказалась сыграть. Что скажете?

– Слушай, Ник, а из-за чего Бетси на этот раз взъелась на Анну? – вмешалась Кейт, проигнорировав предложение Джилл. – Дело ведь не в пивке, правда?

– Нет.

– Что же тогда?

– О, когда я уходил, нам читали нудное нравоучение о грехах Дэмиена Трелора, – беззаботно ответил Ник, разглядывая ноготь на

большом пальце. – Как он жестоко обращался с бедной малюткой Анной, какой он напыщенный, тщеславный и развращенный – словом, настоящий моральный урод.

– О, ради всего святого! – взорвалась Кейт. – Это просто глупо. Дэмиен не такой уж злодей.

– Он малость туповат, – заметил Джереми. – Не понимаю, что Анна в нем нашла...

– На самом деле он очень умный и привлекательный мужчина, – с внезапной горячностью перебила его Джилл, повысив голос.

Кейт и Джереми удивленно повернулись к ней. Она смотрела на них с вызовом. Ее белое, усеянное веснушками лицо зарделось.

– О, с недавних пор Джилл – страстная почитательница Дэмиена, – невесело усмехнулся Ник, бледный как полотно. – Всякое слово против него вызывает бурю. Они сейчас вместе работают над книгой. Между ними очень тесная связь, даже, можно сказать, интимная.

– Замолчи, Ник, ты несешь вздор! – резко выпалила Джилл. Она повернулась к Кейт: – Дэмиен действительно написал превосходную книгу об антиквариате Австралии и сделал к ней фотографии, которые тоже очень хороши. Он издает ее в «Пинкис», а я его редактор. Только и всего. Это важная книга, поэтому я сижу над ней целыми днями. Вдобавок Дэмиен настоящий перфекционист, вот мне и приходится постоянно с ним встречаться. Это обычная работа, в ней нет ничего особенного.

Джилл говорила жестко, воинственным, грубым тоном, который совершенно ей не шел, оттого ее слова звучали не слишком убедительно. Определенно Дэмиен был причиной раздоров между нею и Ником.

– Ну, если всех своих авторов вы окружаете такой трепетной заботой, с какой ты обхаживаешь этого прохвоста, чудо, что «Пинкис» еще не закрыли, – презрительно фыркнул Ник.

Кейт оторопело уставилась на него. Куда подевался прежний – веселый и добродушный – Ник, ее верный союзник, когда

требовалось утихомирить их немного взбалмошных вторых половин? Бледное лицо исказилось, холодные глаза сощурились, рот оскалился. Ник ревновал. Это казалось невероятным. Послышался отдаленный шум – в парадную дверь постучали, кто-то пошел открывать. «Только бы Зои не проснулась», – подумала Кейт.

– Ты ведешь себя оскорбительно и глупо, Ник, – произнесла Джилл все тем же резким тоном. – Если тебе больше нечего сказать...

– О, мне есть что сказать. Я вижу тебя насквозь. Самое смешное, что у тебя на редкость дурной вкус. Боже! Чертов Дэмиен Трелор! Отвратительно.

Все четверо молча стояли, глядя друг на друга, потрясенные этим внезапным взрывом животных чувств. Их дружба длилась не один год, и хотя обе пары переживали взлеты и падения, они никогда не переступали известных границ, даже если Кейт, мрачная как туча, делилась порой своими секретами с Джилл за чашкой кофе в обеденный перерыв, а Ник, смущенный и расстроенный, жаловался Джереми на жизнь за кружкой пива после работы.

Кейт положила руку Нику на плечо:

– Слушай, не...

Дверь отворилась. В кухню заглянул Крис. Его красивое смуглое лицо было напряженным и хмурым.

– Простите, если помешал... Джилл, тут кое-кто тебя спрашивает.

– Меня? Кто бы это мог быть? – Изумление Джилл выглядело почти комичным.

– Хм... это Дэмиен. Дэмиен Трелор.

Глава 5

Хорошие жены

Следующие полчаса стали для Анны настоящим кошмаром. Дэмиен улыбался, очаровательный, как всегда, лишь тихий голос и легкая скованность движений выдавали крайнее напряжение, заметное, возможно, одной лишь Анне. Когда раздался стук в дверь и Родни бросился открывать, она испытала облегчение. Неважно, кто пришел, лишь бы избавиться от навязчивого внимания матери, от молчаливой тревожной заботы отца, от самодовольных ухмылок Родни, от снисходительного превосходства Криса, от страданий глупышки Сонси, от заметного смущения и неловкости Ника и Джилл, которые сбежали на кухню.

Родни вернулся в гостиную, красный как помидор, с вытаращенными глазами, и беспомощно посмотрел на Бетси.

– Это... это Дэмиен. Он в холле.

– Помяни черта, он и явится! – брякнул Крис.

Анна почувствовала, как сердце провалилось куда-то вниз, в тошнотворную пустоту. Кровь прилила к щекам, тело налилось жаром до самых кончиков пальцев. Дэмиен здесь. Он пришел, чтобы забрать ее и увести во взрослый мир, знакомство с которым оказалось для нее столь недолгим. Анна почти ненавидела его, но Дэмиен был для нее единственным спасением. Ей с трудом удавалось сохранять безучастный вид, будто ничего не случилось.

Родни покосился на сестру и прикрыл рот ладонью, чтобы скрыть невольную улыбку.

– Дэмиен говорит, что приехал увидеться с Джилл.

С Джилл! Потрясение было так велико, что Анне почудилось, будто ее ударили в солнечное сплетение. Что может связывать Дэмиена и Джилл? Она бросила быстрый взгляд на мать, но ее лицо с фальшивой улыбкой казалось застывшей маской. Рядом съежилась

бледная Сонси, один вид которой вызывал раздражение. Элис, сидевшая с прямой спиной в своем кресле, походила на старую ведьму: брови нахмурены, губы поджаты, глаза смотрят цепко, настороженно.

В эту минуту в гостиную вошел Дэмиен с папкой под мышкой: извинился за вторжение, поздоровался со всеми, улыбнулся Анне, словно старый приятель, и спросил о Джилл.

– Она упоминала, что будет здесь, и я подумал, вы не станете возражать, если я загляну и передам ей несколько фотографий. Так уж вышло, что я оказался в ваших краях в эти выходные. Джилл наверняка говорила вам о книге, над которой мы работаем.

«Нет, Джилл ничего нам не говорила, – подумала Анна. – Разумеется, она не стала бы откровенничать. Значит, книгу Дэмиена решили опубликовать, и вдобавок в «Пинкис». Весьма престижно. Интересно, это он вышел на издательство, воспользовавшись своими «контактами» – иначе говоря, Джилл? Или идея принадлежала самой Джилл? А впрочем, какая разница». Волнение Анны улеглось, остались лишь напряженное ожидание и тревога.

Появилась Джилл – высокая, яркая, в кричащем ало-зеленом наряде. Роскошные огненно-рыжие волосы струились по плечам. Она высоко держала голову, ее щеки пылали; под облегающим свитером из тонкой шерсти дерзко торчали соски. Дэмиен дружелюбно приветствовал Анну, но во взгляде, которым он окинул ее фигуру сверху донизу, читалось нечто большее.

Кейт и Джереми вошли следом за Джилл. Последним шел Ник с каменным лицом.

Анну охватила злость и разочарование. Как Дэмиен посмел явиться сюда и выставить напоказ свое распутство? Позорить ее перед всеми?

– Ну, Дэмиен, выпьешь что-нибудь? – сдержанно проговорила Бетси, истинная леди, благовоспитанная до кончиков ногтей.

Анна мысленно взмолилась, чтобы он отказался и ушел так же внезапно, как и появился, но вместе с тем знала: стоит Дэмиену уйти,

и навалится глухая тоска, безысходность, опустошенность. Ни страха, ни надежды. Оттого какая-то часть ее желала, чтобы он остался. Смущенная этой двойственностью, этой мучительной путаницей мыслей и чувств, Анна увидела, как Дэмиен с улыбкой кивнул, уселся рядом с Сонси и небрежно закинул руку на спинку дивана. Маленькая дурочка застыла в ужасе, словно кролик перед удавом. Дэмиен что-то шепнул ей, и она, втянув голову в плечи, в отчаянии посмотрела на Криса – в надежде, что тот защитит ее.

Губы Анны презрительно скривились. «Вы еще увидите, из какого теста я сделана. Я тебе покажу, Дэмиен, что мне нет до тебя дела. Ты убедишься, что больше играть со мной не получится. Я тебе не кукла, которую дергают за ниточки. Хватит, довольно».

Джилл села на стул и вытянула длинные стройные ноги. Эта женщина излучала энергию и вызов. Величественная, как монумент, она не обращала ни малейшего внимания на мрачного, угрюмого Ника, который стоял позади нее с бокалом в руке.

– Каким ветром тебя сюда занесло, Дэмиен? – спросила она нежданного гостя своим низким, хрипловатым голосом.

Дэмиен поднял бокал в знак приветствия и с довольным видом откинулся на спинку дивана.

– Ну, чего не сделаешь ради твоих прекрасных глаз, дорогая! А если серьезно, я собирался встретиться с несколькими партнерами. Вдобавок погода выдалась на славу, вот я и решил заехать. – Дэмиен уселся поудобнее и повернулся к Сьюзен, безуспешно пытаясь поймать ее взгляд. – Малышка Сонси, это твой первый приезд сюда. И как тебе здесь нравится?

Та залилась краской, улыбнулась и что-то пролепетала.

– Хорошо, – протянул Дэмиен. – Думаю, ты освоишься здесь лучше, чем я. – Он обвел глазами семейство Тендер, подмигнул Кейт и усмехнулся. – Не могу сказать, что сильно преуспел в работе на свежем воздухе, да и в салонных играх тоже. Кстати, вы еще не играли в маджонг?

– Нет, – невозмутимо отозвался Крис. – Не можем найти коробку с костями.

– Какая досада! Прелестная старинная игра. Ничего, уверен, набор еще найдется, вы соберетесь за столом и насладитесь от души, как всегда. Да и я не буду портить вам все удовольствие. А может, Сонси выступит в этой роли в нынешнем году? – Дэмиен улыбнулся ей, и она покраснела еще гуще.

– Сегодня Анна обнаружила у себя на ноге жирную пиявку, – вдруг громко объявил Родни. Он оттолкнулся от стены и выступил вперед, чтобы эффектнее выпустить свой заряд ехидства.

Дэмиен окинул его холодным взглядом.

– Довольно скверно, – обронил он. Губы его сжались, лицо побледнело.

– Мерзкие твари, правда? – затараторила Кейт. – Зои их боится. Я говорила ей, что укусы пиявок не так уж страшны, но...

– Мой приятель по боулингу... – Уилф вышел из своего угла, его немного ворчливый голос прозвучал неожиданно громко и визгливо, – говорил мне, что пиявок не стоит недооценивать. – Наступила гробовая тишина. – Он называл их бесшумными убийцами. Этот малый долгие годы жил в Малайе. Он рассказывал, что девяносто девять парней из сотни снимали с себя по дюжине пиявок за раз – и хоть бы что, а в сотого впилась одна, и тот упал замертво. Аллергия, знаете ли. Шок. Паралич сердца. Бедняга рухнул и больше не поднялся. Так что осторожность не повредит. – С этими словами Уилф снова опустился в кресло.

– Ну, что я вам говорил. – Дэмиен облизнул верхнюю губу под песочного цвета усами. Выглядел он неважно.

– Я понятия не имела... – начала Кейт.

– Где ты остановился, Дэмиен? – решительно вмешалась Джилл.

– О, я хочу снять номер в каком-нибудь мотеле, – с облегчением отозвался Трелор, явно обрадованный сменой темы. – Может, кто-нибудь даст совет? – Он наклонился к Сонси, голос его смягчился: – Как насчет тебя, моя маленькая невестка?

Сонси молча покачала головой, глядя на Дэмиена широко открытыми глазами словно зачарованная. Дыхание ее участилось, лицо побелело.

Завязался обычный разговор о гостиницах. Дэмиен настойчиво интересовался мнением Сонси. Пару раз он наклонялся к ней и как бы невзначай слегка касался пальцами ее плеча. Анна старалась изо всех сил сохранять хладнокровие. Неужели он не мог пропустить ни одной женщины?

С мстительным удовольствием она заметила, что Джилл слегка хмурится. Что ж, теперь она почувствует, что значит жить с Дэмиеном Трелором. Определенно это представление с Сонси он затеял для Джилл. О, Анна хорошо его знала. Дэмиену нравилось играть с людьми, особенно с женщинами. Он пускал в ход все свое обаяние, чтобы завоевать их. Окучивал лестью, дразнил туманными намеками и постоянно был рядом – пылкий влюбленный, скрывающий свои чувства. Но стоило женщине поддаться на эту уловку и открыться ему, Дэмиен немедленно переключался на кого-то другого, а несчастная жертва, растерянная, сбитая с толку, терзалась в догадках и страдала, оттого что выставила себя на посмешище, неверно истолковала его интерес и сама вешалась ему на шею. Это давало Дэмиену ощущение власти, и чем красивее, чем увереннее в себе была женщина, тем слаще казалась ему победа. Сколько раз Анна наблюдала за этой подлой игрой, да и сама оказывалась в роли жертвы. Мерзкое чувство. Но с какой легкостью Дэмиену удавалось вернуть себе доверие женщины, даже взбешенной, озлобленной и униженной! Разве не убеждал он Анну снова и снова, что любит только ее, что остальные лишь забава, невинное развлечение, слабость. И даже после всего случившегося она продолжала искренне в это верить.

Дэмиен едко высмеивал других женщин, отпускал колкости, издевался над их изъянами – длинным носом, костлявыми коленями или волосатыми ногами. Слышали бы его эти самоуверенные красавицы! Они корчились бы от боли и стыда. Ведь этим глупым

гусыням казалось, будто они увели у нее мужа без малейшего усилия.

Какое-то время Анна соглашалась играть в его игры: о да! – но в конце концов не выдержала. Однажды ночью, поддавшись гневу и отчаянию, она рассказала обо всем матери. Тогда-то все и решилось. Бетси ясно дала ей понять, как нужно поступить. Анна знала, что мать права. Не стоило винить бедную Бетси в том, что ее дочь влюбилась в бесчестного негодяя. Конечно, ей следовало уйти от него.

Дэмиен несколько раз пытался ее вернуть, но к тому времени Анна уже жила в родительском доме и не могла, никак не могла возвратиться к прежнему образу жизни, к медленной деградации, как выражалась Бетси. Если бы не ее откровенность... но признание вырвалось внезапно, помимо воли, слишком велико было горе Анны, слишком сильно желание очернить Дэмиена – чутьем она угадала, как ударить больнее. Анна рассказала матери об иных играх, тех, в которые Дэмиену нравилось играть, когда они оставались одни, в постели. Мать была потрясена, хотя и пыталась это скрыть. Примирение Анны с мужем означало бы для Бетси, что дочь вернулась и к тому постыдному, что творилось в спальне. Мать знала бы, что каждую ночь... и, возможно, даже рассказала бы об этом отцу. Да, она вполне могла это сделать. Анна невольно поежилась, чувствуя на себе заботливый беспокойный взгляд Уилфа. Что сказал бы отец, узнав, что она вернулась к мужчине, которого он считал развратным и порочным? Что подумал бы о ней?

Анна вдруг поймала себя на том, что разглядывает Дэмиена. Его длинные изящные пальцы поглаживали бокал с вином. Вот он закинул ногу на ногу, и над носком показалась полоска кожи. Такая же нежная гладкая полоска белела над расстегнутым воротом его рубашки. Он поднял голову и встретил взгляд Анны. В его серых глазах с тяжелыми веками отражалось желание и нечто невысказанное, потаенное.

Анну охватило волнение, ей мучительно захотелось прикоснуться к нему. Внезапно в голове что-то щелкнуло, сомнения и нерешительность исчезли. Теперь Анна точно знала, чего хочет. Она хотела быть с Дэмиеном, чего бы это ни стоило. И он хотел того же. Дэмиен приехал за ней. История с Джилл и фотографиями была лишь уловкой, чтобы усыпить внимание Бетси. Анна откинулась на спинку стула и опустила глаза.

Они обменялись безмолвными посланиями. Позже Дэмиен найдет возможность поговорить с ней наедине. Они подождут, пока все семейство уснет. Анна соберет кое-какие вещи. А потом... они просто уедут.

Будто сквозь сон она слышала, как Дэмиен завел игривый разговор с Джилл, а Крис во второй раз наполнил все бокалы. Хорошо... никто не догадался, что произошло между ними. Конечно, все случилось так внезапно. Анна украдкой пробежалась взглядом по гостиной. Тетя Элис, кислая, словно наелась лимонов, глядела на Дэмиена исподлобья, как на опасного вредителя, пожирающего ее яблони. Крис листал старый номер «Ридерз дайджест», старательно не обращая внимания на происходящее. Уилф, погруженный в свои мысли, рассеянно смотрел в пустоту. Бетси сидела с непроницаемым лицом, но Анне показалось, что она немного успокоилась. Возможно, мать раздражало заигрывание Дэмиена с Джилл, однако ее, несомненно, утешала мысль, что он не увивается за Анной и не пытается снова пробраться в ее жизнь.

Сонси казалась расстроенной и смущенной – наверное, потому, что, как выяснилось, коварный злодей и не думал охотиться за ней. Мысли Кейт, как всегда, были написаны у нее на лице и не составляли тайны. Она с растущей тревогой посматривала на Джилл и бросала обеспокоенные взгляды то на грозного, угрюмого Ника, то на хмурого Джереми. Родни маячил сзади, засунув руки в карманы. Он тоже поглядывал на Джилл, и на его пухлом лице застыло ханжески-стыдливое выражение. Рядом с Кейт сидела эта странная женщина, Берди. Верити, кажется. Ее янтарные глаза за стеклами

очков наблюдали за Анной. Анна послала ей одну из своих проверенных улыбок – храбрую улыбку потерявшейся маленькой девочки, и Берди слегка скривила губы в ответ. Нет, эта женщина не представляет угрозы. Мужеподобная неряшливая коротышка из тех, что на вечеринках с танцами всегда подпирают стенку. Выброшенные на обочину жизни, такие, как она, довольствуются ролью сторонних наблюдателей. Даже если она что-то заметила, то наверняка не поняла, а если бы и поняла, кто стал бы ее слушать? Нет, пока все шло хорошо. Оставалось лишь ждать, когда Дэмиен сделает первый шаг. Анна знала, как ему подыграть, когда придет время.

Сонси сидела как каменная, стиснув руки на коленях. Опустив глаза, она почти с удивлением заметила, как побелели костяшки пальцев, а ногти впились в ладони. А все потому, что рука Дэмиена была небрежно заброшена на спинку дивана за ее головой. Крис делал вид, будто читает, но Сонси иногда ловила на себе его взгляд. Должно быть, ее страх перед Дэмиеном казался ему глупым и он сравнивал жену с Джилл, которая оживленно разговаривала, смеялась, бросала остроумные замечания, и на каждый каверзный вопрос Дэмиена находила меткий ответ.

Сонси украдкой покосилась на Криса и обнаружила, что он, нахмурившись, смотрит на нее. Вертикальная морщинка на лбу обозначилась резче. Казалось, муж сердится. На мгновение Сонси как зачарованная задержала взгляд на его лице, а потом снова опустила глаза. Щеки ее вспыхнули. Внезапно сознание пронзила мысль: возможно, Крис решил, что она заигрывала с Дэмиеном и поощряла его развязность. Может, ему показалось, будто она притихла потому, что ревнует, ведь внимание Дэмиена обратилось на Джилл? О, наверняка он так и подумал. Ее сердце забилось чаще. Она сглотнула комок в горле, стараясь успокоиться.

– Сью, – прервал ее мысли голос Бетси, – ты такая тихая. Что-нибудь не так, дорогая?

Все разом замолчали и повернулись к ней.

Сонси испуганно вздрогнула.

– О, вовсе нет, Бетси. Я просто задумалась...

– Боюсь, Кристоферу нужно держать ухо востро, а не почивать на лаврах. Дэмиен, кажется, ты одержал победу! – Бетси захихикала и обвела глазами гостиную и остановила взгляд на Крисе, который молча сидел в своем кресле с открытым журналом на коленях.

Сонси покраснела.

– О нет... – выдохнула она и осеклась. Лицо ее горело, кровь стучала в ушах. Она угодила в ловушку. Теперь ничего уже не исправить. Сонси вдруг почувствовала, что больше ей не выдержать. С глазами, полными слез, она вскочила с дивана и бросилась вон из комнаты.

– Ей-богу, Бетси, это чересчур, – лениво протянул Дэмиен Трелор. – Вам не следовало так жестоко дразнить бедняжку.

– О, я чувствую себя страшно виноватой, – запричитала Бетси, сделав круглые глаза. – Я понятия не имела, что невольно задела больную струну. Мне так жаль, Кристофер. Я непременно извинюсь перед ней завтра утром.

«Ах ты, старая лицемерка», – подумала Кейт, вне себя от злости.

Крис с угрюмым лицом захлопнул журнал.

– Не волнуйся, мама, – холодно произнес он. – Сонси немного нервничает. Пожалуйста, не извиняйся перед ней. Наоборот, это она должна извиниться перед тобой и остальными.

В гостиной повисла неловкая тишина, которую разорвал внезапный стук в дверь – резкий, как выстрел. Родни пошел открывать. Из холла слышались голоса, и Родни вернулся вместе с высокой, степенного вида женщиной лет сорока, с широким умным лицом, близорукими серыми глазами и длинными черными волосами с проседью, схваченными сзади шарфом. Она была по-своему очень красива. В яркой сумке-кенгуру у нее на груди крепко спал младенец. Его крохотные пальчики цепко сжимали тонкую ткань материнской куртки, пушистые рыжеватые волосики торчали

на макушке, словно птичий хохолок. Одна ножка в синей пинетке, свисала из сумки. Женщина ощутила на себе любопытные взгляды и безотчетным заботливым движением обняла хрупкое тельце ребенка. Заметив у огня Элис, она выступила вперед.

– Э... простите, что врываюсь к вам, Элис, когда у вас гости, но мне очень нужно позвонить, и я хотела попросить...

– Конечно, Тереза, смело проходи, не стесняйся, – пробормотала Элис. – Ты знаешь дорогу.

– Спасибо. О, здравствуйте, мистер Тендер. Извините, я вас поначалу не заметила. Оставила очки дома. – Она улыбнулась Уилфу, а тот поднялся, чтобы ее поприветствовать.

Анна и Бетси догадались, что это соседка из дома напротив.

– Вижу, на этот раз вы прихватили с собой парнишку, – произнес Уилф.

Она посмотрела на младенца и снова прижала к себе крохотное тельце.

– Да... только... это девочка, мистер Тендер. Ей всего три месяца. Я не могу оставить ее дома одну. Ей нравится сумка. В ней она мгновенно засыпает.

– Ну, Уилф, раз ты не потрудился нас познакомить, нам придется представиться самим. – После тихого, сдержанного тона Терезы резкий голос Бетси прозвучал высоко, почти визгливо.

– Ох, прости, Бет, – промямлил Уилф и замер в нерешительности, не зная, как быть дальше.

– Бет, оставь Терезу в покое, ей все это ни к чему, – буркнула Элис. – Просто пройди к телефону, дорогая, – обратилась она к соседке с неожиданной теплотой и заботой в голосе.

Тереза опустила голову и шагнула в сторону кухни, но Бетси с дежурной улыбкой взяла инициативу в свои руки.

– Я Бетси Тендер, племянница Элис, – оживленно заговорила она и, схватив Терезу под руку, повернула ее лицом к остальным. – А это моя дочь Анна и мой сын Кристофер. Родни, моего младшего, вы,

конечно, уже видели, он открыл вам дверь. Мой... хм... Дэмиен Трелор... Джилл Мишн... Друг Кристофера Джереми Дарси...

Кейт стояла, опустив голову, пока не настала ее очередь вежливо кивнуть и улыбнуться. Разумеется, несчастной женщине вовсе не хотелось знакомиться со всеми этими людьми. Зачем они ей? Она пришла позвонить и предпочла бы поскорее вернуться домой. Кейт хорошо помнила это чувство прочной, почти животной связи с крошечным существом, которое еще недавно росло и шевелилось в тебе. Ощущение, будто вы по-прежнему одно целое. Потом это чувство уходит, ему на смену приходят другие эмоции. Но пока оно живо...

– Кейт Делейни...

Она подняла голову и улыбнулась Терезе.

– Здравствуйте. – Тереза казалась бледной и напряженной. Спокойствие, которое она принесла с собой в эту комнату, исчезло. Ребенок повернулся, беспокойно задвигался и тихо захныкал.

– На самом деле Кейт – жена Джереми, – игриво продолжала Бетси. – Просто она оставила девичью фамилию. Кейт одна из современных свободомыслящих женщин. Тем не менее они с Джереми состоят в благополучном браке. У них прелестная маленькая дочь. И с радостью вас заверяю, законнорожденная. – Она звонко рассмеялась.

Кейт захотелось ее лягнуть.

– Послушайте, если вы не против, думаю, мне лучше... – Тереза резко повернулась и скрылась на кухне.

Все услышали, как она снимает трубку и набирает номер.

– Ну, это было немного... – начала Бетси.

– Пожалуй, я лучше пойду, – произнес Дэмиен вставая. – Завтра у меня суматошный день. Спасибо за вино.

Анна подняла голову и впиалась в него взглядом, уже не заботясь о том, что это заметят. Они снова встретились глазами, и Анна почувствовала внезапный прилив уверенности. Дэмиен что-то задумал. Его лицо светилось лукавством, волнением, почти

торжеством. «У меня есть секрет, но я не скажу... пока, – читалось в его глазах. – Скоро ты все узнаешь, Анна».

– О, конечно, Дэмиен. Что ж... – сухо проговорила Бетси.

– До свидания, тетя Элис. Рад был снова увидеть вас, – вкрадчиво пропел Дэмиен и улыбнулся в ответ на сердитый взгляд старухи. Элис брезгливо скривила губы, фыркнула, откинулась на спинку кресла и с подчеркнутым презрением прикрыла глаза. Дэмиен, нимало не смутившись, все с той же улыбкой неспешно обвел глазами всех присутствующих. – Еще увидимся, – добавил он. – Пока, Джилли, радость моя. До встречи.

Звякнул телефон, из кухни вышла Тереза.

– Спасибо, Элис, я пойду... не нужно меня провожать.

– Я тоже уйду. Идемте вместе, – предложил Дэмиен.

Тереза молча направилась к двери. Дэмиен пожал плечами, махнул рукой на прощание и вышел следом. Послышались их удаляющиеся шаги – вначале из холла, потом с веранды. Открылась и захлопнулась парадная дверь.

Все облегченно вздохнули. Анна поймала на себе испытующие взгляды нескольких пар глаз и потупилась.

– Пожалуй, я заварю чай, – произнесла Кейт. – Все будут?

– Я бы выпила кофе, Кейти, – рассеянно отозвалась Бетси. – Какая странная женщина. И ужасно резкая, правда? Она всегда такая, тетя Элис?

– Она не слишком разговорчивая, – хмуро проворчала хозяйка дома. – Все больше молчит и держится особняком. Мне это подходит.

– Она повела себя едва ли не грубо, – не унималась Бетси. – И без всякого повода. Этому нет оправдания, какой бы робкой и застенчивой она ни была.

– Кажется, она смутилась, когда ты заговорила о фамилии Кейт, мама, – вмешался Родни. – Верно, Кейт?

– Я не заметила, – солгала та.

– Да-да, и когда ты сказала, что Зои не ублюдок...

– Родни!

– Ну, ты поняла. Что она законнорожденная. Я решил, может...

– О боже! – воскликнула Бетси. Глаза ее заблестели, а крылья носа, казалось, хищно подрагивают. – Ну конечно! Ты хочешь сказать, что ее ребенок, возможно... что она... О, какой ужас! Я вовсе не...

– Довольно, Бет!

Бетси вздрогнула. Элис приподнялась. Ее костлявые руки сжали подлокотники так, что костяшки пальцев побелели.

– Оставь бедную женщину в покое. Ты ничего о ней не знаешь, да и ни к чему тебе знать. Не лезь к ней. Займись лучше собственными проблемами. Выклевай по крохам жизнь у своих близких, если тебе так хочется, но избавь от этого моих соседей.

Лицо Бетси сделалось пунцовым.

– Тетя Элис, я только...

– Вот и прекрати! – прогремела Элис. – Не знаю, что ты о себе возомнила, Бет. Явилась сюда, все вынюхиваешь, суешь нос куда не просят, пытаешься всеми командовать и указываешь мне, что делать, когда ясно как божий день, что ты и свои-то дела уладить не можешь. Не понимаю, как тебе в голову пришло пригласить сюда этого мерзавца, своего зятя, чтобы он сидел тут, у меня в гостиной, будто этот дом принадлежит тебе. Ты должна была спустить его с лестницы!

– А теперь послушай меня, тетя Элис...

– Нет, это ты меня послушай! Вот что я тебе скажу. Этот человек недостойн дышать одним воздухом с Терезой Салливан, которую ты поспешила облить грязью. Скользкий ничтожный червяк. Вертится тут со своей льстивой улыбкой. Я всегда это говорила и теперь повторяю: не в добрый час бедняжка Анна связалась с ним. Он мерзавец и прощелыга. А ты, смотрю, встречаешь его с распростертыми объятиями!

Элис с усилием встала и обвела взглядом лица гостей: ее глаза с набрякшими веками лихорадочно блестели под густыми бровями, – потом резко повернулась, протиснулась мимо Уилфа, который снова

затаился в своем углу и стал невидимкой, и быстрой тяжелой походкой вышла на веранду. Чуть погодя хлопнула дверь – Элис закрылась у себя.

Наступила тишина, и Анна вдруг расхохоталась.

– Ну, мама, из-за тебя уже двое забились в свои комнаты, – выдавила она сквозь смех. – Хочешь сделать третью попытку и сорвать джекпот?

Минут десять спустя, когда Бетси еще вытирала слезы, а Кейт с лихорадочной поспешностью разливала по чашкам кофе и чай, со стороны заднего крыльца послышался нерешительный стук.

– Боже, что теперь? – простонал Крис.

Дверь отворилась, и в гостиную робко проскользнул Дэмиен. После бурных событий этого вечера его появление, неожиданное для всех, кроме Анны, уже не вызвало особого интереса. Трелора встретили вяло, словно оратора, который произнес торжественную речь на официальном обеде, получил свою порцию благодарностей и аплодисментов, а затем снова потребовал слова. Даже Джилл едва обратила на него внимание. На Дэмиене была куртка, и мелкие капли поблескивали на бледно-голубой ткани, переливались радужной чешуей. Мокрые волосы завитками падали ему на лоб, на усах блестела влага.

– Простите, что снова потревожил вас... – начал он, моргая и щурясь на яркий свет. – Неловко признаться, но я попал в переplet. У машины спущены два колеса. Похоже, детишки постарались. А у меня только одно запасное.

– Послушай, приятель, это, конечно, неприятно, но... – начал было Крис.

– Я подумал, может... – Дэмиен обратился к Бетси, не обращая внимания на шурина: – Может, вы позволите мне переночевать в гараже? По счастью, у меня с собой спальный мешок. Надеюсь... я никому не помешаю.

– Ох, Дэмиен... сказать по правде, это не совсем удобно, – нерешительно проговорила Бетси. – Правда, Уилф?

Уилф, ошеломленный этим неожиданным обращением, выдержал небольшую паузу, чтобы прийти в себя, после чего, как и ожидалось, пробормотал, что согласен с женой.

– Ясно. – Дэмиен, против обыкновения, выглядел подавленным. – Что ж, конечно, я понимаю. – Он вдруг снова стал самим собой и как ни в чем не бывало улыбнулся Бетси. – Небольшая проблема, верно? Я вполне понимаю ваши чувства. Но на дворе темень и жуткий холод, вдобавок я не могу ночевать в фургоне: он забит вещами, которые я сегодня приобрел. Знаете, я неплохо поживился в Кингсвейле и у мисс Пим в Кэндлбарке, и у Ханиуэлла. Видит бог, урожай выдался богатый! Но делить фургон со всем этим скарбом мне вовсе не хочется. Только представьте, каково это, тесниться рядом с грудой картинных рам ручной работы, украшенных мерзкими резными шишечками, которые так и норовят впиться в бок. Я уж не говорю об огромной коробке старинных книг и столовом белье, что хранилось в затхлом шкафу с незапамятных времен и насквозь пропахло нафталином. Бр-р, честно скажу, подобная перспектива не приводит меня в восторг. – Дэмиен развел руками и обезоруживающе улыбнулся. – Послушайте, Бетси, я голоден и ваюсь с ног от усталости. Мне нужно поспать. Мы не можем заключить перемирие на эту ночь? Зарыть топор войны? В последний раз? Я протягиваю вам оливковую ветвь. – Дэмиен рассмеялся, глаза его лукаво блеснули. – Бетси, голубь мира парит у меня над головой, моля о милосердии. Что скажете?

– Ну, Дэмиен... – медленно проговорила Бетси.

Кейт замерла, не сводя с нее глаз. Интересно, какие мысли крутились в ее голове, вечно полной грандиозных планов и идей? Бетси явно хотелось соблюсти приличия: пусть все видят, что Элис ее не запугать, – но Анна вызывала у нее беспокойство (мало ли что выкинет эта девчонка)... искушение досадить Нику боролось в ней с желанием подставить подножку Джилл... ее прельщала соблазнительная возможность насолить Сонси, столкнуть лбами их с Дэмиеном на следующее утро... в то же время она предпочла бы

покончить с этим опасным человеком раз и навсегда, вышвырнуть мерзавца за дверь вместе с его хваленым обаянием. В какую же сторону склонится чаша весов?

Несколько человек в гостиной затаили дыхание, ожидая решения Бетси.

Наконец она расправила плечи, нервно улыбнулась и посмотрела в глаза Дэмиену так, словно собиралась зачитать ему приговор.

– Что ж, учитывая обстоятельства, я не могу отказать тебе, Дэмиен. Но, боюсь, тебе придется переночевать в гараже. Кто-нибудь из мальчиков отвезет тебя в деревню утром, до завтрака. При заправочной станции есть автомастерская. Она открывается в семь, так что ты сможешь уехать довольно рано.

– Вы очень добры, Бетси. И я высоко это ценю, – вежливо-официальным тоном произнес Дэмиен. – В конце концов, вы вовсе не обязаны мне помогать.

– Совершенно верно, – холодно согласилась Бетси. – Но этого ты и добивался, верно?

Она снова оказалась хозяйкой положения, и напряженность в гостиной ослабла.

– В гараже нет света. Я дам тебе керосиновую лампу. – И Бетси направилась в сторону кухни.

– Я достану ее, мама, – вмешался Родни и эффектным движением, словно гангстер из голливудского фильма, отделился от стены, которую подпирал с момента появления Дэмиена.

– Нет, я сама, – резко возразила Бетси. Казалось, она хочет принять на себя всю ответственность за Дэмиена Трелора.

«Будто ее драгоценный Родни может заразиться, соприкоснувшись с дьяволом в человеческом обличье», – усмехнулась про себя Анна.

Плохо скрытое презрение Бетси задело даже беззаботно-равнодушного Дэмиена. Он задержал на ней взгляд и, когда она поравнялась с ним по пути к кухне, взял за локоть. Бетси резко остановилась.

– Бетси, – с сожалением произнес Трелор, – это неправильно. Мы... были одной семьей. Мне так неприятна эта враждебность между нами.

– О, избавь нас от своих излишней, – с отвращением проворчал Джереми.

Кейт ткнула его локтем в бок.

– Знаете, что я думаю? – продолжил Дэмиен, как будто его не прерывали. – Мне кажется, нам нужно кое-что уладить. Не сегодня: сейчас мы все слишком устали, – но завтра утром – первым делом. По-моему, нам следует собрать всю нашу старую братию и все хорошенько обсудить. За последние несколько месяцев я многое понял... – Он бросил короткий взгляд на Анну, потом на Джилл и снова обратился к Бетси: – Я много думал последнее время и теперь хорошо знаю, что такое эгоизм, бесчестность, манипулирование и какими бывают последствия. – Он снова скользнул взглядом по спокойному лицу Анны и сосредоточенной фигуре Джилл. – У меня будто открылись глаза. Я стал смотреть по-новому на себя и других. Думаю, настало время объясниться начистоту, поговорить открыто, разрешить все неясности, чтобы по крайней мере я мог примириться со своей совестью, облегчить душу и начать жизнь с чистого листа.

Берди хмыкнула.

Бетси неподвижно смотрела на Дэмиена. На ее лице лежала тень сомнения, словно легкая тучка набежала на солнце ветреным днем.

Кейт заставила себя поднять глаза на Джилл. Та слабо чему-то улыбалась, разглядывая мыски своих зеленых туфель без каблука. Неужели между Джилл и Дэмиеном действительно что-то есть? Это казалось... неправдоподобным. Джилл и Дэмиен Трелор? Дэмиен после Ника? Разве такое возможно? Однако, похоже, дело обстояло именно так. Дэмиен задумал очистить совесть и начать новую главу, как это свойственно людям, привыкшим потакать собственным слабостям. Получить свободу, чтобы устремиться к новой вожаденной цели, еще более заманчивой.

Но Анна вовсе не казалась расстроенной или смущенной. Она выглядела спокойной, почти рассеянной, будто ее мысли были заняты чем-то другим. Или она хранила секрет, о котором никто не догадывался. Странно. Возможно, Джилл всего лишь отвлекающий маневр. Может, Дэмиен собрался утром объявить, что они с Анной снова сходятся.

– Ну, не знаю, надо ли нам разыгрывать этот спектакль. Завтра утром посмотрим, Дэмиен, – произнесла Бетси прежним официальным тоном, но с неожиданно резкой ноткой, которая немного озадачила Кейт. – Я принесу тебе лампу.

– Что ж, тогда я, пожалуй, пойду, – произнес Ник, поднимаясь. Лицо его было бледным.

– Что значит «пойдешь»? – раздраженно бросила Джилл.

– Я ухожу. Оставляю тебя. Разбирайся с этим сама, Джилли. Надеюсь, вы оба будете счастливы.

– Ник! Не глупи! – Джилл бросилась к нему, при этом нервно оглянувшись на стройную фигуру возле двери.

Но Ник отшатнулся от нее, грубо оттолкнул с дороги улыбающегося Дэмиена и исчез, прежде чем кто-либо успел вмешаться.

Джилл поджала губы, стиснула кулаки и рухнула в кресло.

Было слышно, как Бетси на кухне гремит посудой и разговаривает сама с собой. Кейт пробрала дрожь: после внезапного бегства Ника дверь осталась приоткрытой, и с улицы тянуло сквозняком, к ночи заметно похолодало.

– Ради бога, закройте дверь! – рявкнул Джереми.

Под его ледяным взглядом Дэмиен пошел к двери.

– Джереми, иди и верни Ника, – сказала Кейт. – Это глупо. Просто ужасно.

Джилл с колючими, злыми глазами стремительно повернулась к ней.

– Он эту кашу заварил, пускай теперь и расхлебывает. Ведет себя как ребенок. Ничего, Ник как-нибудь переживет.

– Мама...

Дверь в холл распахнулась, и появилась растрепанная, взъерошенная Зои. Босая, в одной пижаме, она тряслась от холода, щурилась и моргала темными сонными глазами.

– Почему все кричат? – Она посмотрела на Джилл, сжавшуюся в кресле.

– А вот и малышка Зои. Привет, милая, – ласково произнес Дэмиен.

Зои перевела взгляд на него, но не ответила.

– Зои, дорогая, прости. Идем. – Кейт подскочила к дочери, чтобы увести ее из гостиной.

Та немного поупрямилась и неохотно поплелась за матерью, но у двери спальни остановилась и прошептала:

– Что случилось с Джилл, мама? Почему она плачет? И почему Дэмиен здесь? Это он ее обидел?

– Нет, конечно, нет, дорогая... у Джилл все в порядке, – растерянно пробормотала Кейт.

Краем глаза она заметила какое-то движение и быстро повернулась. Никого. Холл был пуст. В открытой двери в комнату Бетси и Уилфа в полумраке виднелась широкая двуспальная кровать. «Это место наводит на меня тоску, – подумала Кейт. – Мне уже мерещатся привидения». Она уложила Зои обратно в постель.

– Ненавижу Дэмиена. Тетя Элис говорит, что он пиявка и дрянь. Он всех доводит до слез. В прошлом году было то же самое.

– Ну хватит, дорогая. Будь умницей, ложись на бочок и засыпай. – Кейт погладила на прощание спальный мешок Зои и оцепенела. В зеркале старого гардероба в углу отражалась распахнутая дверь в спальню Бетси и Уилфа. И в этой спальне Кейт увидела крадущуюся маленькую фигурку в красном халате с капюшоном. Огромные глаза в полутьме казались темными пятнами на бледном лице. Сонси. Кейт впиалась взглядом в зеркало. Сонси осторожно выглянула в холл, посмотрела по сторонам, выскользнула из спальни и шмыгнула в сторону входной двери.

Кейт выпрямилась и озадаченно нахмурилась. Что делала Сонси в комнате Бетси и Уилфа? Кейт со вздохом обвела глазами загроможденную вещами комнату, и ей вдруг остро захотелось оказаться дома. Казалось, угрюмый ветхий дом Элис полон тайн и злобы. Ветер подхватывал и кружил клочья густого тумана за окном, скрипел старыми половицами, хлопал железом на крыше. Мрачное место. Этот дом действовал на Кейт удручающе. Внезапно она передумала. Джереми был прав. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на подобные вещи. Завтра они извинятся и уедут. Как чудесно! Кейт почувствовала такое большое облегчение, что сама удивилась. До этой минуты она не сознавала, как угнетает ее атмосфера дома. Что ж, наконец-то она приняла разумное решение. Берди можно все объяснить. Джереми обрадуется. Зои, конечно, огорчится, но, может быть, ее утешат сладкие вафли в «Парагоне», катание верхом на лошадях или пара дней в отеле. Почему бы и нет? Впереди целая неделя выходных. Увлеченная новыми заманчивыми планами, Кейт побрела в гостиную.

Компания распалась. Дэмиен наконец убрался в гараж. Крис с Джереми о чем-то шептались. Вероятно, о Нике. Джилл, судя по всему, решила прогуляться. Берди отправилась в ванную чистить зубы. Родни ушел к себе в комнату через кладовую. («Чтобы снова не разбудить Зои, дорогая, – объяснила бесконечно заботливая Бетси. – Она такая нервная малышка, правда?») Анна спокойно сидела в кресле. Щеки ее порозовели, глаза сияли.

– Надеюсь, он будет осторожно обращаться с лампой, Анна. – Бетси окинула дочь цепким взглядом. – Керосиновые светильники так опасны... – Она начала собирать со стола чашки, нарочито громко звеня посудой, чтобы все обратили внимание, что никто не пришел ей на помощь. Внезапно она остановилась и с досадой поцокала языком. – Вы только посмотрите: в довершение всего Дэмиен даже не взял этот проклятый термос и кекс!

– Ради бога, мама, стоит ли поднимать шум из-за пустяка? – фыркнула Анна. – Разве это важно? Не понимаю, отчего ты так

переживаешь. Тебе ведь он даже не нравится.

– О, хватит нападать на меня, дорогая. – Бетси посмотрела на дочь по-настоящему жалобными, умоляющими глазами. – Я так устала.

Она действительно выглядела измученной. Под глазами обозначились небольшие мешки, а морщины в уголках губ залегли глубже. «Сказалось пережитое вечером напряжение», – с сочувствием отметила про себя Кейт. Какая ирония! Ведь львиная доля бурных сцен была делом рук самой Бетси. И все же бедняжка вызывала жалость. Как ужасно быть злейшим врагом самому себе!

Похоже, Анне пришла та же мысль.

– О, прости, прости меня, бедная моя мамочка. – Анна поднялась из кресла и потянулась, грациозно выгнув стройное тело. Потом сонно зевнула и изящным движением головы отбросила назад темные волосы. – Я иду спать. Оставь посуду. Мы утром все вымоем. – Она встала перед матерью – высокая, изумительно красивая, порывисто обхватила ее за плечи и прижала к себе.

Бетси, удивленная и растроганная, обняла дочь, и Кейт заметила, что в глазах у нее блестят слезы.

Позднее, лежа в постели, Кейт слышала, как часы в гостиной отбивают одиннадцать. Было еще не поздно, но она чувствовала себя обессиленной. Слава богу, утром они уедут. Кейт перевернулась на бок и, перед тем как погрузиться в сон, с радостью подумала, что их ожидает несколько безмятежных дней, свободных от тревог и волнений из-за чужих проблем. Гораздо позже, когда она могла мысленно возвращаться к тем дням уже без содрогания, Кейт вспоминала свои радужные планы с кривой усмешкой: мы живем, не зная, что нас ждет завтра.

К полуночи дом погрузился в тишину. Анна лежала в розовой спальне, глядя в потолок. Пора. Она с растущим волнением прислушалась к бою часов. Довольно ждать. Уже больше получаса в

доме не раздавалось ни единого звука. Только ветер стучал в окна. Анна тихо выскользнула из-под одеяла, села на край кровати и снова прислушалась. Потом взбила одеяло так, чтобы казалось, будто на постели спит человек, взяла сапожки и на цыпочках подкралась к двери. Неслышно, как тень, она прошмыгнула к задней двери и, сжав губы, повернула старую медную ручку. Не заперто! Чтобы Ник и Джилл могли войти, разумеется. Возможно, прямо в эту минуту они подходят к дому. Что ж, придется рискнуть, решила Анна. Ей не было дела до Ника и Джилл. Сейчас ее заботили лишь мать и отец. Она должна пробраться к Дэмиену до того, как Бетси обо всем узнает. Лишь бы почувствовать, что она нужна ему. Тогда она сможет выдержать слезы, мягкие увещевания, ярость Бетси, наконец.

Анна выскользнула за дверь, крадучись спустилась по лестнице и натянула сапоги. С дорожки виднелась часть гаража, в высоком окне слабо светилась лампа. Дэмиен ждал. Анна пошла к гаражу напрямик, по влажной траве, а не по асфальтовой дорожке. Почти безотчетно она выбрала более надежный путь – земля приглушала шаги. Ее сердце взволнованно колотилось. Все ее внимание сосредоточилось на гараже, на теплом свете лампы, мерцавшем в темноте.

Она не слышала, как у нее за спиной тихо открылась задняя дверь, как кто-то бесшумно спустился по лестнице и скользнул следом за ней, прячась в тени кустов возле дорожки.

Ну вот и гараж. Наконец-то. Анна пробралась вдоль затемненной стены к двери и нерешительно замерла. Теперь, когда осталось сделать последний, бесповоротный шаг, на нее вдруг напала странная робость, едва ли не страх. И вдруг она услышала смех Дэмиена – низкий, дразнящий. Потом донесся шорох, какое-то движение и ответный шепот. Дэмиен был не один.

– Не стоит создавать проблему на ровном месте, старушка. Я знаю, что делаю. И ты здесь бессильна. – Отчетливый уверенный голос Дэмиена выплывал из окна в белесый туман над головой Анны.

Опять раздалось тихое бормотание. Анна напряженно прислушалась, но не смогла разобрать ни единого слова.

И снова прозвучал голос Дэмиена, мягкий, приглушенный, с хрипотцой:

– О да, моя красавица. Моя чудесная рыжеволосая девочка. О, ты прелесть... Ты моя любимая... Моя и только моя... – шептал он жарко.

Анна ощутила холод, поднимавшийся изнутри, ее затошнило. Значит, с самого начала дело было в Джилл.

Послышался невнятный шепот, но на этот раз Анна уловила свое имя.

Дэмиен ответил с внезапной резкостью:

– Послушай, Анна нам не помеха. Между нами все кончено. И уже давно. Что бы я ни думал когда-то, у меня нет будущего с этой маменькиной дочкой. – Его голос снова упал до нежного воркования, и Анна крепко зажмурилась, сжав кулаки. Казалось, она видит, как Дэмиен протягивает руку и гладит, ласкает. – Зачем мне Анна, когда рядом ты, мое чудо с сияющими глазами? – Он тихо и радостно рассмеялся. – О боже, бедняжка Анна, мамина девочка, папина любимица... ну нет, с меня хватит! Нет! – твердо, решительно произнес Дэмиен. – Ничего не говори. Пожалуйста. Послушай, может, все вышло не так, как ты рассчитывала. Возможно даже, ты вовсе этого не хотела, но ничего уже не изменишь. Тебе нужно лишь признать очевидное и смириться. Я убежден: это судьба. Назад не повернешь.

И опять, будто растроганный собственными словами, он начал что-то тихо мурлыкать и шептать дрожащим голосом, в котором слышалась такая проникновенная, щемящая нежность, что Анна скорчилась от боли. Никогда, никогда он не говорил так с ней.

– Теперь, когда я нашел тебя, я ни за что тебя не потеряю. Отныне никто больше не отнимет тебя у меня, никогда. Моя любимая, сердце мое...

«Негодяй. Грязный подонок. И эта стерва!» Слова отдавались громом в голове Анны. На миг ей показалось, что она выкрикнула их

вслух.

Но Дэмиен продолжал говорить спокойно и веско:

– Послушай, у нас впереди вся жизнь. Мы уже создали вместе нечто по-настоящему значительное, особенное. И отлично поладили. А завтра я выскажу этим Тендерам все, что о них думаю. Пора открыть им глаза кое на что, пусть узнают горькую правду, это их встряхнет! – Он засмеялся и, словно разговаривая сам с собой, добавил: – Кто бы мог подумать, что мелкая идейка окажется золотой жилой? Опыт всей моей жизни принес наконец плоды. Но какая ирония...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ДЖЕННИФЕР РОУ

СКОРБНЫЙ

УРОЖАЙ

чай, кофе
и убийства

Примечания

1

Роман (1946) английской детской писательницы Энид Блайтон (1897–1968). – *Здесь и далее примеч. пер.*

[Вернуться](#)

2

Сонси – хорошенькая, пухлая (от *англ. sonsy*).

[Вернуться](#)

3

Бердвуд – птичий лес (от *англ. bird wood*).

[Вернуться](#)

4

Австралийская радиовещательная корпорация.

[Вернуться](#)

5

«Путешествие пилигрима в Небесную Страну» («Путь паломника») – аллегорический роман (1678–1688) английского писателя и проповедника Джона Баньяна.

[Вернуться](#)

6

Китайская азартная игра с использованием особых игровых костей (тайлов); рассчитана на четырех участников.

[Вернуться](#)

7

Настольная игра, в которой игроки выкладывают слова из игровых фишек-букв на разграфленной доске; в России известна также под названием «Эрудит».

[Вернуться](#)